

МЯСО

ПОВЕСТЬ

Моему брату Евгению

1

Огромный тысячеваттный фонарь дохнул оранжевым и затих, оставив пространство перед КПП холодному лунному свету. Артур вздохнул и проткнул сапогом слюду на поверхности лужицы. До подъёма оставались считанные минуты...

Скоро выйдет из казармы старшина и сунет ему в руки пакет с сухим пайком, в котором вместе с бездушными консервными банками будет пакетик с домашними коржиками и трогательные вязаные варежки. А потом за воротами посигналит машина, и время застынет в немом ужасе...

Что ж, знал он про «круги своя». И, может быть, лучше, чем кто-либо другой. Убеждался неоднократно на своей собственной шкуре. Не в силах, да, в общем, и не желая что-либо изменить.

Как знал он и то, что вслед за криком дневального оживёт, зашевелится сонная казарма. Вздохнёт сотней простуженных глоток. Скрипнет по израненному линолеуму двумя сотнями кирзовых сапог. И хлынет из дверей наружу...

Артур вытащил последнюю сигарету, смял пачку и бросил под ноги. Присел на крыльцо. Закурил. Дым, смешавшись с паром из лёгких, окутал его густым белым облаком. Во рту стало горько. Он сплюнул и растёр подошвой плевков.

Пять минут до подъёма. Тишина, отживающая своё, становится плотной и почти осязаемой. В ней всё принимает причудливые формы: и силуэты нагих деревьев, и виднеющиеся за забором цеха завода, и даже сигаретный дым. В густой тьме он словно обволакивает, обнимает невидимые простому глазу очертания, комки и сгустки...

Три минуты. Скоро шофёр поможет ему запрыгнуть в скрипучий, забросанный комьями земли кузов, и старенький, выдавший виды «ЗИЛок» отвезёт его в расположение гарнизона. Он пройдёт по двору, провожаемый тоскливыми взглядами солдат в красных погонах, взойдёт на крыльцо маленького кирпичного домика, где усатый молодец с серыми глазами сволочи снимет с него ремень и, брезгливо скользнув пальцами вдоль тела, вытащит из кармана галифе пачку «Мальборо». Потом нарочито больно сташит с запястья часы, прочтёт золотую надпись на порошком эмалью циферблате, и серые глаза его подёрнутся мутной пеленой...

После, зайдя в маленькую сырую комнатку, он прохрустит кирзой, давя комки хлорной извести и, облокотившись на пристёгнутые к стене нары, поправит сбившийся воротничок планиды. И тогда откроется со скрипом окошко в двери и бледная от ненависти рука плеснёт воды на рассыпанную по полу хлорку...

Минута до подъёма. Артур швырнул окурочок во тьму и распечатал новую пачку. Закурил. Вытянул руку и поймал шальную снежинку. Шагнул с крыльца и подставил лицо реденькому снегу. Вдохнул, набрав полные лёгкие воздуха. Расправил до судороги, до сладкой истомы руки. И всё.

«Рота, подъём!» – крик дневального прорезал тишину, разорвав её в клочья, разрушив её покойное очарование.

И наступило утро. Артур так и стоял, раскинув руки. Лишь чувствуя, нет, не слыша – именно чувствуя, как за его спиной медленно просыпается зверь о ста головах и, оживая сам, наполняет жизнью бездушные стены казармы.

А потом, когда сигарета истлела и Артур прикурил следующую, они выходили наружу, съёжившись и похлопывая себя по плечам – воины страны с рвущимися по швам границами, защитники отечеств, стянутых веком в аморфный ком.

– Мусчины! – хрипел младший сержант Онуфриенко. – Носочек тянуть до хрусту... Носочек тянуть, я сказал!

У брусьев стояло с десятков старослужащих. Пространство вокруг них было пропитано матом и смрадом сигарет «Гуцульские».

– Давай, Ануфа, постриги дикобразов, – крикнул кто-то.

– Сэчас дам, брат-джан, – отозвались из строя. – Так дам, что давалка вспаеет...

– Опух, кабан?! – донеслось с брусьев. – Как со старым разговариваешь?!

– О-ля-ля! Какой ты мне старый, перкеле?! Мой старый в Хаапсалу рыбу ловит.

– Молчать, зверёныши! – брызгал слюной младший сержант Онуфриенко. – Загоняю до озноба!

– Валяй, брат-джан, гаяй. Не сиводня-завтра бардак распустят, из твоей кожи рэмней на партупею нарежу...

Онуфриенко выругался и повёл расхристанную толпу с плаца. У брусьев к строю примкнули старослужащие.

Артур выбросил окурочек и повернулся к шагающей в его сторону ремонтной роте. Надел шапку. Застегнул крючок на воротничке. Поправил ремень и одёрнул гимнастёрку. Когда между ним и первой шеренгой оставалось несколько шагов, младший сержант Онуфриенко вскинул голову и закричал:

– Равняйся! Смирря! Равнение – на – ле-у!

Артур поднял ладонь к виску. Невольно затаил дыхание.

Они шагали сейчас в его честь. Вытянутые по струнке. С идеальной оттяжкой носка. И младший сержант Онуфриенко рисковал гауптвахтой.

О да! Ради этого стоило жить! Ради этого стоило гнить на гарнизонной киче, вдыхая хлорку и поливая слезами пол!

Проводив взглядом чеканящий шаг строй, Артур опустил руку. Обернулся. К подъезду подходил батальон охраны. В утренней тьме показался он Артуру непривычно малочисленным.

– Батальон, смирно! Равнение на... право! – крикнул сержант Качарава, и Артур снова поднял руку.

И всё. Потом они ушли в столовую, вдавливать в ломоть хлеба податливую желтоватую святыню, глотать комки каши из неведомых доселе круп. Артур остался один.

Теперь можно было расслабиться. Вздохнуть по бабьи, со всхлипом. Затравленно оглядеть наполненный тенями двор. Похожую на виселицу тень брусьев. Погружённый во мрак плац. Зловещие корпуса завода за увенчанным колючей проволокой забором. И потянуться за спасительной сигаретной пачкой дрожащими пальцами. Зрители покинули арену. Ломать комедию было не перед кем.

– Чего не на завтраке, Сагамонов? – замполит части старший лейтенант Комар появился прямо из воздуха. Подкрался, как хищник из семейства кошачьих.

– Боюсь к третьему звонку опоздать, – Артур сжал до боли кулаки. Не любил он, когда его заставляли врасплох.

– Шутник, – улыбнулся старлей. – С твоей бы выдержкой старшиной на дембель пойти. Если бы мозги мухи не загадили.

– К чему мне выдержка. Для меня гарнизонная губа – что дом родной. Да и зима стоит тёплая. Семь суток пролетят, как семнадцать мгновений весны. Глядишь, ещё и загорелым назад вернусь. Назло врагам мировой революции.

Артур закурил. Затянулся. Нарочито медленно опустил руку с сигаретой.

– Артист, – рот Комара скривился в ухмылке.

– Приходится. Серьёзные здесь в карауле стреляются. Или несварением желудка страдают.

Он выпустил дым прямо в лицо офицеру.

– Ммм, хороший запах, – сказал тот, втянув носом воздух. – Небось не «Гуцульские»?

– Не а.

– Ну-ну. С солдатской полочки купил?

– Ага, как раз на пачку хватило.

Старлей замолчал. Долго стоял не двигаясь, только глаза его смотрели на Артура из темноты. Потом он сказал:

– Ладно, Сагамонов. Бросай сигарету, пошли в казарму. Разговор есть.

– Вы идите, я догоню. Сигарету жалко. Всё-таки одна двадцатая солдатской полочки.

Артур отвернулся.

– Рота, смирно! – услышал он крик дневального за своей спиной.

2

Замполита Артур нашёл у себя в кабинете. Тот сидел за письменным столом и курил сигарету. Перед ним на полированной поверхности лежала тонкая серая папка-скоросшиватель.

– Разрешите войти? – спросил Артур.

– Вошёл уже, – замполит помахал рукой, разгоняя клубы дыма перед своим лицом. Потом затянулся и вдавил окурочок в обрезок артиллерийской гильзы.

Артур подошёл к столу. Отодвинул стул. Сел. Достал из кармана пачку «Marlboro», вытащил из неё сигарету и вставил в рот. Взял лежащие на столе спички.

– Сигарету убери, – сказал Комар. – Держи себя в руках. Курить в расположении роты – прерогатива командного состава.

Артур швырнул сигарету на стол.

– Приберите на потом, товарищ старший лейтенант. А то курите дрянь всякую...

Комар молча покачал головой. Взяв со стола папку, раскрыл её.

– Так, что тут у нас, – он потёр рукой подбородок. – Сагамонов Артур Александрович, семьдесят первого года рождения, уроженец города Башмак, холост, образование незаконченное высшее... ммм... мать – завзалом в ресторане «Ереван»... так... тут у нас всё заурядненько, – он перелистнул страницу, – а вот здесь начинаются чудеса. Танковый полк Страхув. Учебная рота. Семь суток ареста и прокурорское предупреждение за нанесение телесных повреждений старшему сержанту Тарасенко... Это что же за повреждения такие?

– Проникающее ножевое в мягкие ткани бедра, – ответил Артур, глядя на склонившегося над документами замполита исподлобья.

– Ууууу, – Комар сделал изумлённое лицо. – За проникающее ножевое семь суток ареста?! Это как это?

– Вы что, эти листы в первый раз видите?!

– Нет, не в первый. Но не устаю удивляться. Это же нонсенс. Посвяти же меня в неведомые мне тонкости военной юриспруденции.

– Тарасенко отказался от показаний.

– Чего вдруг?

– Оказалось, он на штык-нож случайно сел. В темноте не увидел.

Комар оторвался от текста и посмотрел на Артура.

– Ты ведь незадолго до инцидента с Тарасенко из госпиталя вернулся, где находился с множественными ушибами и сотрясением мозга, полученными тобой в результате ночного падения с лестницы. Тебе Тарасенко этот, случайно, не помог упасть?

Артур промолчал.

– Ну-ну, – сказал Комар, наморщив переносицу. – Читаем дальше. По окончании учебного подразделения очередного звания не присвоено. Отправлен рядовым в войска. С третьего апреля на авторемонтном заводе. За нарушения воинской дисциплины неоднократно содержался на гарнизонной гауптвахте, где наотрез отказывался работать, а также оскорбил действием ефрейтора Хамракулова, исполняющего обязанности выводного. Оскорбление действием – это пощёчина, что-ли?

– Она самая.

– Прямо вот так вот воину с автоматом и полным боекомплектом влепил леща?!

Артур промолчал.

– И что, тоже с рук сошло?

– Нет, почему же. Десять суток добавили.

– Нууу?!

– Ладно, хватит паясничать, вы же сами приказ подписывали...

– Товарищ старший лейтенант.

– Чего?

– Обращаться, говорю, по форме надо, когда с офицером разговариваешь.

– Ладно, хватит паясничать, товарищ старший лейтенант.

– Держи себя в руках, – повторил старлей. – За воротами тебя уже машина дожидается.

Он снова уткнулся в папку.

– Три месяца назад проходил по делу о хищении воинского имущества. Тааак... Получил прокурорское предупреждение... Ну, Сагамонов! Как это тебе удаётся?! Ты на меня прямо суеверный страх нагоняешь. Может, ты разведчик в высоком чине, поэтому тебя командование бережёт? Даааа, чудесааа! Стащил партию финских электродрелей в кол. три тысячи шт., а ему хоть бы хны! Прокурорское предупреждение!

– Эти дрели разворовывали в течение последних пяти лет. А я просто уснул на посту и пропустил Дудинцева.

– Ладно, – Комар закрыл папку. – Мне-то что. Я-то чудеса люблю. А вот твой бывший командир майор Усков настаивает на пересмотре. Что и логично. Прокурорское предупреждение – это условный срок. Так что, скорее всего, он своего добьётся. И получишь ты свою первую судимость, рядовой Сагамонов, и сделаешь, наконец, свой первый серьёзный шаг по дорожке, протоптанной твоим легендарным папашей.

Артур вздрогнул.

– Не трясись, воин, – ухмыльнулся замполит. – Плохо, когда враг о тебе всё знает. А я не враг. Я – замполит части, твой старший товарищ и духовный наставник. И моя главная задача – это вернуть тебя на правильный путь, если это, конечно, возможно. Задача же командира кадрового батальона охраны майора Ускова, которого ты опозорил в присутствии всего личного состава, – сгноить тебя

либо в дисциплинарном батальоне, либо в исправительно-трудовом учреждении. Лично я советую второе. Даже если на более длительный срок.

- Так, ладно, я пошёл, – сказал Артур и поднялся.
- Ты куда это? – Комар недоуменно уставился на него.
- Надоел мне ваш длинный рассказ ни о чём...

Артур надел шапку и подтянул ремень.

- Разрешите идти?
- Сядь, – старлей посмотрел на него исподлобья.
- Я...

– Сядь, я сказал.

Артур сел. Сорвал шапку, бросил на стол и уставился прямо в глаза замполиту.

– Третий батальона охраны находится в госпитале, – сказал тот.

Артур молчал.

– Отравились чем-то, весь суточный караул, – продолжил Комар. – С минуты на другую военная прокуратура подтянется, будут разбираться.

– Я, что же, под подозрением? – ухмыльнулся Артур.

– Дело не в этом.

– Не в этом? А в чём же?

– Людей не хватает. Каждый человек на счету. Так что плакала твоя гауптвахта.

Завтра в караул заступаешь.

– Вы хотите, чтобы я охранял завод?! После финских электродрелей?! После моего перевода в ремроту с клеймом «непригодности к несению»...

– Нет. Не завод, – оборвал его замполит. – Ты поедешь на пост номер семнадцать.

Артур расхохотался.

– Именно, – сказал Комар. – Ты не ослышался. Поедешь, отмочишь и вернёшься, покрыв себя несмываемой славой. А я во время твоего отсутствия подумаю, как тебя вытащить из вонючей выгребной ямы, в которую ты по неосмотрительности попал и в которой так элегантно барахтаешься. С «мальборой» в зубах, и так далее.

– Вы... – начал было Артур, но Комар его перебил.

– Тихо, солдат. Побереги энергию для службы. Думаешь, я не вижу, как у тебя поджилки дрожат. И правильно дрожат, между прочим. Потому как дошёл ты до точки, за которой остановиться уже нельзя...

– Всё, закончили? – зло спросил Артур. – Караул я, так и быть, отмочу. А на политподготовку я вам пару юродивых пришлю, если у вас ораторский нерв засвербило.

Он нахлобучил шапку.

– Пропавший ты человек, Сагамонов, – сказал Комар, протягивая ему лист бумаги. – Подпиши.

Артур взял в руки документ и вчитался в казённые фразы:

«Я, Сагамонов Артур Александрович, 1971 года рождения, уроженец города Башмак, заверяю, что инцидент с командиром КРВБ майором Усковым произошёл в момент моей полной невменяемости, вызванной употреблением препарата группы противифосгеновых антидотов...»

Таблетки, заключённые в маленький серый футлярчик, похожий на пенал для циркульных иглолок, назывались «Торен».

– Два колеса – и ты в Зазеркалье, – рядовой Бугунов прищёлкнул языком.

– Главное, чтобы не в кроличьей норе, – сказал Артур и пошёл в казарму.

Зайдя в умывальник, он высыпал на ладонь всё содержимое пенала. Таблеток оказалось пять. Он бросил их на язык и смыл внутрь водой из-под крана. Затем прошёл в расположение и лёг на кровать. Закрыв было глаза, но тут же зажужжали, зароились в черепе привычные мысли, и он приоткрыл веки.

В комнате стемнело. Чёрт, сколько же он уже лежит?! А может, это действуют таблетки? Странно. Никаких новых ощущений...

Вдруг какая-то мысль, мелкая, как букашка, выползла из глубин его мозга. Он наблюдал за ней, притворившись сонным, он пытался проникнуть в неё, пройти сквозь тончайшую оболочку её эфемерной формы, но не смог. И тогда она начала расти, наливаясь пунцовым, перекатываясь, шевеля своими толстенькими ложно-ножками-щупальцами.

Артур испугался. «Ведь как же», – подумал он, – «ведь если же два сообщающихся сосуда сравняются по объёму, то объём одного из них станет равен...»

Сосуды не сравнялись. Когда отливающая всеми цветами радуги амёба мысли (Артур понял вдруг с ужасающей ясностью, что цвет есть качественная субъективная характеристика электромагнитного излучения оптического диапазона) почти сравнялась по объёму с обителью его мозга и он уже чувствовал боль от расплюсченных гипоталамуса и шишковидных тел и слышал хруст лобной кости... она вдруг лопнула, пролившись багровым дождём на зрительный бугор, открыв Артуру клинопись истинной своей сути.

Стены и потолок помещения, в котором он находился, были покрыты зловещими кровавыми надписями, пугающими своей одинаковостью.

«ВРАГ НЕ ДРЕМЛЕТ», – гласила каждая из них.

Внезапно Артур понял, что раз надписи везде, то, значит, нанесены они не на побелку, а прямо на радужную оболочку его глаз.

Он вдавил кулаки в глазные яблоки, но кровавая вязь не исчезла.

«Эх, скипидару бы!» – мелькнула мысль, и он уже начал было рыться по тумбочкам в поисках желанной жидкости, когда потолок и стены запестрели вдруг надписями «ЭХ, СКИПИДАРУ БЫ».

«Что же там раньше было!» – мучительно напрягся Артур, и потолок молниеносно отреагировал длиннющей и широченной «ЧТО ЖЕ ТАМ РАНЬШЕ БЫЛО», зато на стенах засветилось муаровым светом многократно повторённое «ВРАГ».

«ВРРАГ! ВРААГ! ВРАГГ», – подумал Артур, встал в проходе между кроватями и принял боевую стойку.

Грязные полосы на линолеуме стали зелёными и мшистыми, пол прогнулся под его ногами, а кровавые надписи на стенах колыхались, как листья кувшинок на поверхности подёрнутого рябью озера.

Он двинулся по проходу, реагируя на каждый шорох, готовый каждую секунду нанести смертельный удар тому, который не дремлет. А воздух в помещении, казалось, был соткан из шорохов. Вот вибрирующая погремучка ползающей под кроватью гремучей змеи. Вот полувсхлип-полустон мучаемого кошмарами филина. Так. А это – Артур прислушался, он просто весь превратился в орган слуха, он прямо чувствовал, как раковина его уха, приняв форму патефонной улитки, вытянулась навстречу упругим ультракоротким волнам, создающим в окружающем его киселе видимые простым глазом колебания, – а это таракан за стойкой третьей от двери кровати чешет ножкой хитиновое крылышко. Стены вокруг Артура запестрели графиками дифракций и интерференций, заставив его задуматься о том, как зависит амплитуда звуковых колебаний и изменения положения частиц от единовременной разницы достигаемых самими волнами фаз. Бррр... Он знал, что разгадка не за горами. Знал уже потому, что графики на стенах загнулись в сторону гиперболического, а что касается цветов, то здесь преобладали, да что

уж там – царили безраздельно оттенки, благородные и нежные, среди которых особо выделялись «нейчерал фэнси брауниш еллоу» и голубой травертин. Но главное, главное таилось всё еще за мутным чертогом безвестности, выставив наружу лишь свои такие тоненькие, многообещающие метастазы... Бррр...

Артур присел на колено и сжал ладонями голову. Почувствовал, как она пульсирует, бьётся под его пальцами и понял вдруг, как ошибалось человечество, почитая грудь за обитель сердца.... Бррр...

И он поднялся с колен, познав главное. А главное заключалось в том, что надпись «ВРАГ» исчезла со стен. Вначале он было усомнился, но надписи «СЛОВО ВРАГГ ИСЧЕЗЛО СО СТЕН» запестрели на штукатурке.

И комната умерла, потеряв свою ценность. Стала сосновой шишкой, на которую помочился самец из другого племени... Бррр...

Он вышел из расположения. Чёрный гляцевый коридор дышал и всхлипывал вокруг него, протягивая щупальца с розовыми сосочками на конце. Артур двинулся по нему, невольно повторяя ритм колышущейся вокруг чужой материи. Он искал надписи, но надписей не было, а значит, ВРААГ где-то дальше. Притаился с намерением нанести удар.

Розовый сосок задел его лицо, оставив на щеке полоску прохладной слизи. Артур стёр её рукавом гимнастёрки и залепил окаянному отростку звонкую затрепщину. Щупальце обиженно втянулось, оставив розовый пяточок в смолистом глянце стены.

«Нет, точно не ВРРАГ», – подумал Артур. «Ибо враг есмь равнеши ако сам».

И дальше подумалось ему: «Яко словесами не изыдйти, а сподобляши не изведати, но прежде падших возставляеши, то от ворогов видимых и невидимых избавляеши...»

«Ага!» – пронеслось в голове. «Значит, всё же вооружаться...»

В следующий момент он наткнулся на часть тумбочки дневального, торчащей из пульсирующей блестящей хмари. Чуть выше тумбочки, прямо под розовым соском, болтался штык-нож. Артур поднял взгляд и наткнулся на выпученные глаза, глядящие на него прямо из чёрной поверхности.

«Что же ты в латексе-то, как пидор!» – возмутился было Артур, но вдруг понял, насколько наполнены эти рыбы пузыри, эти зенки, эти окуляры смертельной мукой, и гнев его тотчас прошел. На смену ему явилась жалость, но не слезливая бабья, а жалость воина, единственная допустимая кодексом Бушидо и уставом строевой службы... Брр... А приняв это сколь великолепное, столь и величественное чувство за откровение, каковым оно, по сути, и являлось, Артур выхватил из чёрных теснин штык-нож и из величайшей милости попытался эти глаза выколоть. Но взвились, крикнули, завизжали глаза, заголосили на чистейшем таджикском: «Ай, куси апат бакерам! Ай-ай-ай, анна шагом!» И потом: «Сагамонов, миленький, брат, пощади...»

«И ведь, стервец, имя моё знает!» – подумал Артур. «Да, далеко зашло...»

Но ткнуть лезвием в ненавистный зрачок ему так и не довелось. Его внимание привлекла противоположная часть коридора, стены которой были испещрены уже знакомыми красными надписями по белой штукатурке.

«ВРАГГ!» – сказал он глазам и назидательно покачал перед ними ножом. Те вскрикнули и утонули во тьме.

Коридор был пуст, если не считать знакомую вязь. У двери расположения четвёртого взвода буквы укрупнялись, каждая из них была теперь размером в полстены.

– Недолго уже, – прошептал Артур и увидел слова свои, вылетающие изо рта, словно пар на морозном воздухе.

Слова, выполнив петлю Нестерова, влетели в распахнутую дверь. Артур задумался было об аэродинамике перевёрнутого полёта, но быстро понял, что короток был блаженный миг созерцания, что истина вновь сокрыта за пеленой темпоральной причинности, как вдруг слова влетели обратно, повторили мёртвую петлю, а прямо на двери появился график. Несмотря на его сложность, Артур быстро сообразил, что график – суть кривая Жуковского для перевёрнутых полётов и, сдвув пару нулей с кривых потребных и располагаемых тяг, он шагнул внутрь помещения. Шагнул со спокойной совестью. Твёрдым шагом уверенного в своей правоте человека. Несмотря на пол, исполняющий под его ногами дьявольский краковяк.

Лес двухъярусных кроватей уходил верхушками в поднебесье. Артур взял штык-нож в зубы и принялся карабкаться по извивающимся под пальцами металлическим стойкам. Гибкие ответвления и отростки хлестали его по щекам, затрудняя подъём. Он хотел было перекусить один из них, но помешал зажатый во рту нож. Сердито засопев, он полез дальше.

Верх разочаровал его своей простотой и банальностью. На незастеланных постелях лежали люди. Прыгая с кровати на кровать, он наклонялся к ним, вопрошая:

– Ты ВРАГГ?

Не ответвляя, они с криками прыгали вниз, в укутанную туманом бездну, и юный горный ветерок доносил заунывную песнь их бьющихся о камни тел.

Когда наверху уж никого не осталось, а истина была ещё сокрыта мраком безвестности, Артур стал спускаться вниз. Спуск, как это водится, был тяжелее подъёма и занял часа полтора.

«Где же бранные останки, где комья истерзанной плоти?» – подумал Артур, вступив на серый, в разводах, линолеум. Тотчас, гудя и пуская облачка пара, причался ответ.

«Санитары» – вздохнул он. Но тут же игла сомнения воткнулась в подкорку.

«А почему так быстро-то!»

«Чух-чух», – приехал ответ. «Спецпаёк с надбавкой за вредность...» «Или за вредительство? Нет, за вредительство должны бы убавить... Хотя, если, конечно, срок, то могут и добавить, за вредительство-то...»

Окончательно запутавшись, Артур покинул расположение. В коридоре его встретили белые стены и выскобленный до неприличия линолеумный пол. Между левым и правым крылом одиноко темнела пустая тумбочка дневального, осенённая, словно крестным знаменем, красным флагом части. По ту сторону вестибюля взору открывался свежeweбеленный коридор. Ни тебе розовых сосочков на чёрных щупальцах, ни красных надписей на стенах.

Артур мотнул головой и направился к закрытой входной двери, по дороге отряхивая липкое чувство тревоги. Всё было слишком гладко, слишком спокойно. Слишком твёрдый пол, слишком белые стены. ВРААГ покинул казарму, это ясно. Всё говорило в пользу этого предположения. Хотя, может быть, просто кончалось действие... Какое, чёрт побери, действие?!

Почувствовав спазм в желудке, Артур согнулся, и его вырвало словами. Крошечные и милые, они расплзались из образовавшейся на полу тёмной лужицы, насакаивая друг на друга, образуя зигзаги корявых фраз.

Он успел прочитать что-то о действии и противодействии, и обрамлённый похабненькими кудряшками лик Ньютона уже возник было перед его выпученным внутренним взором, когда наткнулся на знакомое «ВРАГГ НЕ ДРЕМЛЕТ» и понял, что медлить нельзя.

Распахнув дверь, он шагнул наружу и обомлел. По лиловому, почти до крон толей-десятилеток, опустившемуся небу полыхали малиновые сполохи. Над усеян-

ным газетными обрывками двором носились тучи воронья с сопливыми индюшачьими мордами... Мордами?! Бррр... Несколько птиц сидело на увитой терновником кованой готической решётке, а над ними нависали руины старой крепости с бельмами бойниц.

Шагнув с крыльца, он чуть не упал, споткнувшись об одну из птиц. Та рванула в сторону, остановилась, сделала несколько неуверенных шагов, гордо закинула за шиворот... За шиворот?! ...свисающий с клюва лоскут и, отхаркнув, сплюнула на асфальт. Потом подошла к ближайшему дереву и задрала ногу.

«Пьянь» – подумал Артур.

– По весеннему льду то ползу, то бреду, – затянула птица пошленьким гнусавым баском, поливая клумбу.

Не разделяя веселья пернатых, Артур окинул тревожным взором горизонт. На востоке горели огни большого города, а на северо-западе вздымались к небу исполинские пыльные смерчи.

– Чёрт, конница в пустыне застряла! – вскричал он, дико озираясь.

В двадцати шагах от него, почти у самой решётки, какие-то люди в бескозырках, с маузерами и пулемётными лентами, жгли костры. В воздухе пахло предательством и гарью. Нет, пожалуй, гарью и предательством. Артур задрал голову и похолодел. Малиновые сполохи вспыхивали теперь в особом геометрическом порядке, образуя такое знакомое и такое ненавистное слово.

«Но где он, где?!» – простонал он с отчаяньем в голосе и вновь огляделся.

У КПП он увидел Ускова. Майор быстро шёл в его сторону, ожесточённо жестикулируя. Артур переложил штык-нож из левой руки в правую и ринулся навстречу.

– Проверить укрепления! – орал он, брызгая слюной.

– Развернуть полосу обеспечения перед первым оборонительным рубежом! – хрипел он, вздымая белую сталь ввысь, к лиловому небу. – Передислоцировать четвёртую танковую в район Судетских гор! Товарищ майор!

Командир батальона майор Усков открыл рот, закричал что-то, но Артур не расслышал, лишь удивился, когда выхватил взглядом тянущуюся к кобуре пухлую руку. Он посмотрел в лицо майора и всё понял.

– ВРРААГГ!!! – неистово возопил Артур и, твёрже сжав рукоять, прыгнул на командира батальона, подмял его под себя, извивающегося и визжащего, рванул за плечи, сбывая погоны...

4

«...также приношу извинения сержанту Чхиквишвили и рядовым Алимардонову, Зинатулину и Зиялову за нанесённый им моральный и физический ущерб. Обязуюсь никогда больше не экспериментировать со средствами индивидуальной и коллективной защиты и своё любопытство удовлетворять в служебном порядке и на соответствующих занятиях...»

– Кто писал? – спросил Артур. – Может, в редакцию «Крокодила» пошлём? На курс «Нарочно не придумаешь?»

– Подписывай, давай, – махнул рукой замполит.

Артур сообразил корявый росчерк и отпихнул от себя бумагу. Комар взял её и убрал в папку. Сказал:

– Иди к командиру роты. Он тебя проинструктирует.

– Разрешите войти?

– Сагамоньч, миленький... – голос майора Оскомы доносился из-под накинутого на его лицо мокрого полотенца.

Артур подошёл к приоткрытому сейфу. Вытащил из него початую бутылку «Отарда» и стакан, занимавшие почётное место между пистолетом «Макаров» и папками с грифом «Секретно». Два дня назад он доставал из этого сейфа «Агдам», а в части ходили слухи даже о ёмкостях с содержимым парфюмерного толка.

Подойдя к столу, Артур постучал стеклом о стекло. Бледная рука приподняла полотенце, высвободив треть лица. Заплывший глаз приоткрылся, и указующий перст свободной руки уткнулся в бутылку. Артур налил на два пальца, отчего глаз наполнился невыразимой мукой. Тогда он налил ещё. Снова полёт дрожащих фаланг. Артур поставил стакан на стол. Майор откинул полотенце, сжал заветный фиал в ладони, нагнулся, и его зубы хрустнули на стеклянной кромке. На миг он слился со стаканом, стал с ним единым целым. Эдаким страусом, спрятавшим голову в песок с берегов Шаранта.

Внезапно он вскинул голову с прижатым ко рту стаканом, и янтарная, кажущаяся густой жидкость исчезла в полыхающей бездне. Ещё трясущейся рукой он поставил стакан на стол и налил до краёв. Теперь уже сам. Поднёс ко рту, умудрившись не расплескать ни капли. И осушил до дна.

Жизнь возвращалась в него окольными тропами, и лопнувшие на щеках капилляры уже казались здоровым румянцем, а игольные ушка зрачков – знаком сосредоточенности.

Майор встал, вытащил из кармана белоснежный платок, вытер рот, провёл по лбу, стирая испарину, застегнул верхнюю пуговку гимнастёрки, затянул и поправил галстук. Снова сел. Сказал:

– Сагамонов, ёма, ты бы крючок застегнул и оправился. Мы с тобой всё же не в кабаке сидим.

– Нет? – усмехнулся Артур, поправляя форму.

– Как же тебя в караул-то ставить? На внешние посты?

– А чего там ставить? Караулов я свои полсотни в батальоне отмочил? Отмочил. Если бы Дудинцева не проспал, мочил бы и дальше. А что ошибаться мне больше нельзя, вы и сами знаете.

– Ладно, – сказал майор примирительно.

Рука его, сжимавшая бутылку, почти не дрожала.

– Сегодня отработаешь, ёма, а завтра с развода заступаешь. С тобой поедут младший сержант Дымов и рядовой Юращенко. Начкаром – старший прапорщик Сармаш. Оружие и сухой паёк получите перед разводом.

Он выпил. Достал из ящика мятную конфетку. Развернул.

– И чтоб никаких кренделей там.

– Ну что вы, – улыбнулся Артур. – Какие же тут кренделя. Кренделя для нас теперь штука непозволительная.

– Ну-ну, – прохрустел конфеткой Оскома. – Ступай, раз так. Завод по тебе плачет.

– Лучше пусть завод, чем тюрьма.

– Ну-ну, – повторил Оскома.

Артур взял в руку шапку и направился к двери. Не доходя, остановился. Повернувшись, спросил:

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

– Валяй, – окрепшая рука с бутылкой застыла над стаканом.

– Никак нельзя Юращенко заменить?

– Я тут как раз думал, ёма, как бы мне тебя заменить. Другие пожелания имеются?

– Имеются, – Артур распахнул дверь. – Вы бы швенкером обзавелись.

– Что это? – спросил майор.

– Рюмки такие большие. Это же все-таки коньяк, а не одеколон «Ромашка».

Проходя мимо дневального, бросил ему полпачки сигарет.

– Спасибо, старый, – солдат склонил голову для удара.

– Не прогибайся, – обронил Артур, не останавливаясь. – Хребет, он дольше всех костей срывается.

Снаружи рассвело. Снег прекратился совсем. Слабый, еле пробивающийся сквозь громады облаков свет заливал двор серой мутью. Взглянув на часы, Артур направился в столовую. Выходящий из штаба части прапорщик Попов проводил его недобрым взглядом.

В столовую он зашёл с чёрного хода. По отделанному белым кафелем коридору прошёл к подсобке и заглянул внутрь.

Четверо солдат, сидя на полу, скоблили картофель. Повар Лёша завис над ними хищной птицей.

– Кто же так чистит, босота?! Вы же не офицерью хавас толчёте. Своим же бедолагам. Так чего же вы, ёптэ?! Самим же радостно будет, когда я её, белоснежную, цивильно масличком полью...

– Лёх, – позвал его Артур. – Покорми, я без завтрака остался.

Минут через десять они присели в поварской. Артур, задумавшись, ковырял вилкой яичницу с помидорами и луком. Рядом, на запотевшей тарелке, лежал кусок жареного хлеба с растекающейся жёлтой лужицей масла.

– Чаю забыл, – встрепенулся Лёха.

Артур остановил его жестом. Снова было погрузился в мысли, потом решительно отложил вилку.

– Чего случилось-то? – спросил повар.

Артур посмотрел на него. Сказал:

– Я тебе с мясом больше помогать не смогу.

– Да ты!.. – всполошился Лёха. – Да как же я без тебя, ёптэ?! А куда излишки девать?! Да я...

– Какие излишки? Ты у солдат мясо ворует. Мало офицерё со склада кормится, и ты туда же.

Повар побледнел. Глаза его вспыхнули недобрым светом.

– Это ты меня, ёптэ, совестить будешь?! Да ты сам с этого мяса наживаешься не хуже моего...

– Наживался, – спокойно поправил его Артур. – Наживался.

– А яичница в горле не встаёт комом?! А помещение дружку твоему Дымову нравится?!

Артур отодвинул тарелку.

– Артур! – опомнился Лёха. – Не обижайся на меня, дурака. Ешь, давай.

И снова:

– Ты меня без ножа режешь! У меня все планы рушатся! И видак, и котлы с двумя заводилками, и «Адик» трёхполосный; в чём же я буду на гражданке вышивать? Ну Артур! Да что это на тебя нашло?!

– На мне, Лёха, срок висит. На меня каждый офицер, кроме Сармаша, пожалуй, какой-нибудь зуб, да имеет. День, когда меня посадят, объявят всеармейским праздником. Мне Комар сегодня моё личное дело зачитал, так меня даже затошнило. И за что? За пачку «Мальборо» и «Картье»? Или за то, что личный состав мне, проходя, честь отдаёт? Не слишком ли большая цена за массаж самолюбия?

– Так, ладно, понимаю. Слово даю, понимаю. И сочувствую, Артур, сочувствую, ой, как сочувствую... Но хоть адресок-то оставь...

– Нет, Лёш, – Артур поднялся из-за стола. – Мне сегодня бог руку протянул. Не могу же я в неё взять и плюнуть. А? Как ты сам думаешь?

– О-хо-хо, – вздохнул повар. – Ну, если ты в религию ударился... Куда же мне, ёптэ, мясо-то девать?

– А ты попробуй его в рацион солдатский докладывать. Как, в общем-то, и предполагалось, – бросил Артур, сделав шаг к выходу.

– Я, ёптэ, его лучше сгною, – услышал он за своей спиной.

Через пять минут он был у заводской проходной. На минутку заглянул в пристройку пожарной части. Новобранец, читавший книжку у пульта сигнализации, испуганно вскочил.

– Вольно, – сказал Артур. – Дымов где?

– Вышел куда-то, – ответил солдат, всё ещё пряча за спиной книгу.

Артур спустился во двор. Хотел было закурить, но вспомнил, что отдал пачку дневному.

– Угости сигаретой, – обратился он к усатому кавказцу на проходной.

Тот протянул пачку «Гуцульских». Артур вытянул сигарету. Прикурил от вынутой из кармана зажигалки «Ронсон».

– Кайф, – сказал кавказец.

Артур вопросительно посмотрел на него.

– Я сейчас тебя на рекламном плакате представил. Ты. Вокруг горы, на склонах апельсиновые деревья, барашки бегают, а ты, бля, кавбой, и «гуцулу» от «Ронсона» прикуриваешь. Представляешь, какой контраст.

– Ну да, – согласился Артур. – Облачко дыма выпускаю – на апельсиновых деревьях цветы вянут, а у овец пропадает молоко.

Кавказец засмеялся. Артур механически обвёл взглядом двор.

Из дверей казармы вышел старший прапорщик Алвртсян. Вслед за ним показались два офицера в красных погонах. Втроем они двинулись к КПП. Португепя с кобурой на старшем прапорщике отсутствовали.

– Куда они его? – спросил Артур.

– Судзя па пагонам, в гарнизонную камендатуру. Это у ниво в карауле салдаты траванулись. Мне земляк гаварил, перед тем, как в госпиталь ехать. К ним Камар с праверяющим пришли. Праверяющий – палкан краснапёрый – всё асмарел, в тумбачку заглядывает, а там миска с недаеденным «Малышом», вся зелёной плесенью покрыта, и пара высахших гарбулей. Палкан спрашивает: «Это что такое, таварищ старший прапарщик?!» А тот в тумбачку заглянул, выпрямился, глаза выпучил и гаварит: «Я думаю, таварищ палковник, там мишь живйёт». Ну, йиво сразу с караула и сняли. Камар за него астался, пака Папа не прислали. А через пару часов у первава салдата колики начались. Вот Алвртсяна теперь на антисанитарию и раскручивают. Наверна, и Лёху падтянут. Хатся, вряд ли. Еду караулу из общева катла наливают, а мы-та с тобой в порядке.

Артур пожал плечами. Из общего котла он не ел давно.

– Ладно, – сказал он. – Пойду взгляну, чем там мои работнички промышляют. И, шагнув через порог, направился к серому корпусу монтажного цеха.

Завод встретил его ударами и скрежетом на фоне общего монотонного гула. Над головой гудели кран-балки, плыли обезглавленные чудовища кузовов, громадины мостов, карданные валы и рулевые тяги освящали выщербленный бетон брызгами машинного масла. У чана с кипящей щёлочью возился малыш в комбинезоне. Перед входом в моторный блок сержант Обрыдлов трепался с вольнонаёмными. Артур откинул брезентовую штору и переступил порог гальваники.

Рядовой Андрей Воронин стоял, склонившись над одной из ванн, и выуживал из бурой жидкости катод с подвешенным к нему сетчатым ковшом. Увидев Артура,

он положил ковш на бортик и снял резиновую перчатку. Протянул ему ладонь с раздувшейся, покрытой шрамами тыльной частью. Спросил:

– Чудеса ещё случаются?

И улыбнулся щедро.

– Это ты про губу? – Артур пожал протянутую руку.

Воронин кивнул.

– Да уж, пришлось заложить душу дьяволу. Рассказал замполиту, что рядовой Воронин в гальванике оружие куёт, так меня теперь вместо губы к ордену представят.

Воронин ухмыльнулся и потряс чудовищным кулаком.

– Показывай, – сказал Артур.

Воронин подошёл к металлическому шкафу и отодвинул его от стены. Достал длинный, завернутый в тряпицу свёрток. Развернул. Отполированная сталь сверкнула в свете электрических ламп.

Артур зачарованно протянул руку. Взялся за инкрустированную камнями рукоять и провёл пальцами по клинку.

Воронин вопросительно мотнул головой.

– Совершенство! – искренне сказал Артур, не торопясь возвращать меч хозяину.

– Да, – согласился Воронин. – Хорошая сталь. Рессора. Я её при трёхстах семидесяти двое суток обжигал, до полного распада мартенсита. А потом в масле закаливал.

– В машинном?

– Обижаешь, в растительном. Лёха выручил, дай ему бог здоровья. Мы сюда ночью целый бидон протасили. Караульные на постах приставали, думали, самогон.

«...я её, цивильную, масличком полью», – вспомнил Артур, но ничего не сказал. Лишь снова провёл пальцами по прохладной плоскости. Потом протянул Воронину меч и сказал:

– Этот – последний.

Воронин поднял на него недоумевающий взгляд.

– Я больше не могу их сбывать, – сказал Артур.

– Ааа, – Воронин на мгновение замер, потом принялся запаковывать клинок в тряпицу. – Ну, раз не можешь, что же поделаешь. Хотя жаль, конечно. Я тут пару славных эскизиков набросал...

– Я дам тебе адрес и телефон, – сказал Артур, следя за исчезающей в тряпье рукоятью. – Только не попадись. Жаль будет, если какой-нибудь особист себе такой красотой харакири сделает.

Воронин, не поворачиваясь, кивнул. Скуп он был на елей, да Артур и не ждал от него благодарности.

Помолчали. Воронин убрал свёрток за шкаф и вытащил ещё один, значительно меньше размером.

– Это для Дымова.

– Спрячь, – сказал Артур. – Позже заберу.

Воронин кивнул и придвинул шкаф к стене.

Рядовые Алимардонов и Кизьякаев сидели перед ощерившимся, кособоким ЗИЛом и били баклуши. Выражение вечного недоумения, застывшее на плоском, как тарелка, лице Кизьякаева, залитый маслом пол и похожий на подавившегося червяком птенца Алимардонов придавали «разборке» дух этакой бесшабашной расхлябанности.

– По коням, хлопцы, – крикнул Артур подходя. – Кубань горит.

– Там гайка, мле, не откручивается, – Кизякаев взглянул на него красными, как рябина, глазами.

– Во-во, – сказал Алимардонов, и чудовищный кадык на его горле заходил взад-вперёд, живя своей собственной странной жизнью. Цвет его глаз был вишнёвым.

– Так, – сказал Артур, на ходу натягивая комбинезон, – Асрол, дуй к механикам за автогенном, а ты, Кизякаев, сбегай в распорягу и возьми у меня из-под матраса две пачки сигарет...

– Эй, а перекур?!

– Судя по твоим глазам, ты уже перекурил... Да и золотистую ленточку с сигаретной обёртки я предпочёл бы сорвать сам...

Оставшись один, он вышел из здания цеха. Невысокую насыпь прорезали железнодорожные рельсы. Двенадцать солдат из молодых разгружали стоящий на них вагон с углём. Командовал ими младший сержант Зелепунин.

– Здорово, Зелепуня, – обратился к нему Артур. – Подсоби личным составом.

– Обана, Артурик! А ты чего не на кичмане?

– Людей не хватает. У «разборки» план горит. Так чего, людей подкинешь?

– Не могу. К обеду уголь разгрузить надо. Мне после обеда заступать. И завтра тоже, бля... Надо же, нашли время травиться, дристокшонники...

Артур отошёл на пару шагов назад.

– Эй, воины! – крикнул он, задрав голову. – А ну слазь.

Четверо солдат замешкались, но видя, что Зелепунин молчит, спрыгнули с вагона на кучу угля, предварительно побросав вниз лопаты.

– Теперь назад отойдите, – сказал Артур и, обежав вагон, попытался скинуть петли с крюков. Тщетно.

– А ну навались! – гаркнул он солдатам.

Те подбежали. Упёрлись руками в передний борт. Надавили.

– Когда скажу, – сказал Артур, – отбегайте! Иначе придавит!

И, закричав «Назад!», скинул петли.

Борт рухнул с жутким грохотом, едва не накрыв замешкавшихся, и почти вся масса угля съехала по нему к ногам ошеломлённых солдат.

– Ну вот, – Артур отряхнул руки. – А ты говорил – до обеда.

– Ладно, – сказал Зелепунин. – Троиш дам.

– Троиш мало. Давай шестерых.

Зелепунин почесал затылок.

– А Кизякаев тебе через четверть часа пачку «Мальборо» подгонит.

– Ладно, – зевнул Зелепунин. – Возьми шестерых. Но не за сигареты, а за разбитую рожу Ускова.

– А, так Кизякаева не присылать? – спросил Артур.

– Присылай, присылай. Нам теперь до обеда только курить и осталось.

– Донат богом! – ругался Алимардонов, стирая рукавом ржавую труху со лба.

Кизякаев возился с задним мостом. Молодняк, облепив, словно тля, облицовку, лихо скручивал головы крепящим её болтам. Свет ламп отдыхал на сосредоточенных полудетских лицах. Сам Артур возился с бензобаком. Проржавевшие насквозь болты никак не хотели откручиваться.

Где-то под ним Алимардонов включил горелку. Артур бросился к баллонам и перекрыл вентиль. Крикнул, пнув торчащий из-под машины сапог:

– Ты чего, Аська, сбрендил! Дай же бензобак снять!

– Да ладно, чего там, – отозвался тот. – Я же сам с этой машины бензин сливал. Вон, левая фара разбита...

– Всё равно подожди, – сказал Артур. – Мало ли, сколько там ЗИЛов с разбитыми фарами.

Когда сняли бензобак, он оказался на треть полным.

– Ух ты! – удивился Алимардонов, и Артур вклеил ему звонкую затрещину.

Проходящие офицеры недовольно косились на молодых. Несколько раз прибежал начальник цеха из вольнонаёмных. Спрашивал, разберут ли к вечеру. Артур, загадочно улыбаясь, жал плечами. Начальник цеха ругался, говорил, что к весне надо выводить технику, и снова убежал. К обеду, когда младший сержант Зелепунин пришёл за своими подопечными, от ЗИЛа осталась лишь обглоданная рама, опирающаяся о передний мост. Теперь можно было не торопиться.

К концу рабочего дня на месте грузовика был лишь залитый маслом пол да пара капель крови Кизьякаева, зажавшего себе палец между мостом и крюком кранбалки.

– Что бы я без тебя делал, Сагамонов, – говорил начальник цеха. – И чего они все к тебе прицепились?! Да я бы тебя за такую работу... Да я бы тебя к высочайшей награде...

– Ладно, дядь Лёш, пойду я, – перебил его Артур. – Не то ты меня совсем слюной забрызгаешь.

– Эх, Сагамонов...

Вместе с ремонтной ротой он дошёл до столовой, но внутрь заходить не стал, а прошёл дальше, к клубу. При входе наткнулся на прапорщика Попова, разговаривавшего со своей женой, заведующей клубом Татьяной Васильевной. На рукаве у него была красная повязка дежурного по части. Артур прошёл было мимо, но Попов окликнул его.

– Стоять, солдат.

Артур остановился.

– Кругом.

Артур повернулся.

– Рядовой Сагамонов, почему не отдаёте честь?

– Так ведь честь у меня не безграничная. На всех не напасёшься. Ну и потом – вы с дамой...

– Смирно! Вы как разговариваете?! А ну крючок застегнуть, солдат! И где ваш головной убор?!

Артур повернулся и пошёл к столовой.

– А ну вернись!

Гравий ласково хрустел под ногами. Пара мёртвых листочков затеяла в воздухе головокружительный танец.

– Вернись, я сказал!

Артур видел сквозь окна столовой стриженные головы солдат. Их лица были повернуты к нему, глаза глядели на него и сквозь него. Артур улыбнулся им, и тут же позади раздался женский голос:

– Володя, пожалуйста, не надо...

Артур повернулся и пошёл прямо на схватившегося за кобуру Попова. Подойдя сказал:

– Виноват, товарищ прапорщик...

– Трое суток ареста!..

– Давайте сегодня без ареста. У меня что-то совсем нервы сдают.

– Да ты!..

– Я вас прошу. Такого больше не повторится, – Артур застегнул крючок и поправил ремень. Встал по стойке смирно.

– Да ведь это чёрт-те что...

– А за шапкой я сейчас схожу. Ладно?

Попов с сомнением посмотрел на Артура. А тот повернулся к плачущей женщине и сказал:

– Простите и вы меня, Татьяна Васильевна.

Когда он вошёл в столовую, тепло сотни солдатских тел ещё витало в воздухе. Пахло ваксой и казённой пищей. Артур сел за стол. Лёха поставил перед ним гренки из белого батона, блюдец с горкой жёлтых паек и банку с клубничным вареньем. Ушёл в кухню за чаем.

– Покрепче сделай, – крикнул ему Артур. – Мне сегодня спать вряд ли придётся.

– Чего это у тебя с Попом вышло, – спросил Лёха, ставя на стол дымящуюся чашку. – Он что, тебя действительно пристрелить хотел?

– Да нет. Так, пошутили.

Лёха с сомнением посмотрел на Артура.

– Ничего себе шуточки! Даже его жена слезу пустила.

– Да это она так, не поняла. Женщина всё-таки. Нервы слабые.

– А может, до него слухи какие... – начал было Лёха.

– Так, всё! Закончили! – Артур стукнул кулаком по столу.

– Так я ещё и не начинал.

– Закончили, даже не начиная.

Артур доел кусок гренки. Спросил:

– Дымов внизу?

– Дымов-то? Да вроде внизу.

Артур поднялся, взял с подоконника карманный фонарик и двинулся к выходу.

– Гренки-то как? – обиженно бросил Лёха ему вдогонку. – Хоть бы спасибо сказал...

Уже у двери Артур обернулся.

– Гренки сногшибательные. Спасибо тебе, Лёха.

– Правда?! – повар расплылся в улыбке.

Оставшись один, он отщипнул кусок от лежавшей на тарелке пухлой прелести. Понюхав, отправил в рот. Пожевал немного. Потом сплюнул на пол.

– Надо же, – сказал он, покачав головой. – Сногшибательно... Скажет тоже...

6

Оказавшись с обратной стороны здания, он со скрипом распахнул железную дверь. Прежде чем вступить во мрак, обернулся. Пристально взгляделся в окна офицерской столовой. Прислушался.

Никого. Он сделал шаг и закрыл за собой дверь. Плотная, глухая тишина объяла его со всех сторон словно покрывалом. Не двигаясь с места, он достал из кармана фонарик. Сноп света осветил воду под ногами и торчащие из неё бетонные плиты. Артур прислушался. Где-то вдалеке на поверхность воды упала капля. Он направил на звук фонарик. Огромная серая крыса сиганула с трубы и поплыла, оставляя за собой зыбкие круги. Артур осветил себе под ноги и сделал шаг. Плита под его ногой слегка покачнулась. Он сделал ещё один, потом ещё и, больше не останавливаясь, двинулся по узкому коридору, перепрыгивая с одного бетонного островка на другой. Луч его фонарика скользил по водной глади, время от времени запрыгивая на стены, выхватывая примостившиеся на них куски бурой плесени.

Дойдя до развилки, он свернул налево, прошёл с десятков шагов вдоль толстых, укутанных стекловатой труб и снова повернул налево. Здесь пошёл медленнее.

Расстояния между плитами увеличились, и порой ему приходилось останавливаться и тщательно вымерять расстояние перед следующим прыжком.

Ещё несколько шагов, и луч, скользя по шершавому бетону, сорвался в пустоту. Коридор оканчивался большой, залитой водой комнатой с грудой полусгнивших ящиков в центре.

Артур опустил фонарик. Жёлтый луч выхватил из тьмы корпус старого, проржавевшего насквозь огнетушителя. Балансируя на шаткой плите, Артур повернулся влево. В стене, в двух шагах от комнаты, был узкий проход с дюжиной поднимающихся из воды ступеней. Взбежав по ним, он оказался перед железной дверью, покрытой слоем ржавчины, в которую был врезан новенький серебристый замок. Артур сжал зубами фонарь и достал ключ.

Свет дюжины стоваттных ламп заливал маленькую комнатку с тщательно выровненными и выбеленными стенами, с парой стеклянных витрин, стеллажом, хромированным столиком, накрытым простынёй и большим платяным шкафом. Артур прикрыл рукой глаза, и его сапоги скрипнули на свеженьком жёлтом линолеуме.

Человек, склонившийся над столом, обернулся. Был он очень высок и худ, в белом халате прямо на военную форму и с марлевой повязкой на лице. Приветственно взмахнув рукой, он вновь вернулся к своему занятию. Артур запер дверь и подошёл ближе.

Обнажённый по пояс рядовой Бакотов сидел на табурете, выложив на белоснежную материю свою левую руку. От локтя до кисти она была раздувшейся и чёрной и напоминала не то обугленное полено, не то космического паразита, присосавшегося к щуплому телу солдата. Когда Артур приблизился, Бакотов поднял на него своё бледное, залитое потом лицо и сказал:

– Всё, Артура, хана. Дымов говорить, отымут...

Высокий человек в халате издал еле слышный смешок.

– Раз говорит, значит отнимут, – сказал Артур истекающему потом солдату.

Бакотов затравленно огляделся, и губы его затряслись.

– Ладно, – потёр руки Дымов. – Давай-ка посмотрим, что у нас там...

И натянул резиновые перчатки.

– ... Таак... Местная гнойная инфекция... Закрытый морфологический субстрат без абсцессов... Когда ты говоришь, нитку вшил? Три дня назад? Ага. А опухать начало быстро? Часов, значит, шестнадцать... Значит, у нас здесь грамотрицательные штаммы... Так, тут у нас гнойные затёки в области кисти, пассивное пространство гноя по тканевым щелям... Давай-ка мы тебе температуру измерим. Ну-ка, ручонку приподними, воот, локоточек согни... Хорошо...

Дымов выпрямился.

– Вот, полюбуйся, Артур. Случай, достойный пера Шекспира. Любовь к простой сельской девушке подвигает нашего героя, посредственного во всех отношениях солдата Николая Бакотова, на поступок, по глупости своей граничащий разве что с рытьём Каракумского канала или поворотом рек Сибири вспять.

Он вздохнул и покачал головой.

– Давай, герой. Расскажи Артуру свою незадачливую историю.

Бакотов отёр рукой пот со лба.

– Дык я... я Свинолуповский, а она шваль за Гомель ёма ханурика отродясь. А он ведь выхлестыш, я ведь знаю его. Дык коровам хвосты крутить. А она и пишеть, я, мол, не чугунная, тебя дожидась, а я, чаго отвечать, не знамо. Ну, всё, думаю, хана. Тут мне Михась, москаль грёбанный, говорить, нитку, говорить, меж зубов пошоркай и в руку вшей. Враз комиссуют. Ну, я и вшил. Глыбко вшил, для пущей верности. А оно намедни ещё не так чтобы, а вчорась как сдоба вспухла, ёптэ...

А москаль мне, нитку, говорить, найдуть, посодють за вредительство члена, в смысле уклонения. Ну, я ему здоровой и заехал в дышло... Вот, теперь на Дымова одна надежда... Поможешь, Серёг?

Дымов вытащил термометр. Взглянул на него и покачал головой.

– Тридцать семь и два. Слабенько боремся.

Он повернулся к Артуру.

– Вот так вот, мой друг. Солдаты гибнут не от ран. Солдаты гибнут из-за плохого питания.

Он принялся ощупывать опухоль.

– ...Здесь у нас на незатронутые структуры флегмонка напоззает... Нет ни свищей, ни абсцессов. Странно... Хотя, конечно, четвёртый день... Токсико-резорбтивная лихорадка...

Дымов взгляделся в покрытое каплями пота лицо. Дотронулся до трясущейся здоровой руки.

– ...Отсутствует. Хотя гнойный процесс тяжёлый, с высокой резорбцией... Перестань трястись... Встань и стяни штаны... Стяни штаны, говорю...

– Ты это чего?! Чего это ты?!

– Давай, дружок, мне тебя осмотреть надо. Таак. А теперь трусы.

– Ну уж нет! Это уж...

Дымов рывком стянул с солдата трусы.

– Так, теперь подбери-ка своё хозяйство... Признаков сепсиса нет. Желёзки... слегка припухшие... Чёрт! Артур, посмотри на эту руку и скажи мне, почему так слаба реакция организма. Мне, что же, опять министру обороны писать?! Знаешь, что мне в прошлый раз ответили? Да ничего не ответили. Комар к себе вызвал, сказал, что солдатский рацион соответствует ГОСТу и был кропотливо составлен на основании статистических данных и научных работ ответственных работников системы здравоохранения. Прямо так и сказал, представляешь? Работ работников системы... Тьфу! Да они моему письму даже за пределы части выйти не дали... Как же! Все офицеры по четвергам у склада отираются. Кроме, пожалуй, Сармаша и Оскомы... Да ладно, чего уж говорить. Давай, Артур, мой руки – и за дело.

– Поди, больно будет, – пропел Бакотов. Бледные губы его тряслись.

– Нет, больно не будет, – Дымов достал из шкафа новенький автоклав.

Артур подошёл к маленькому, прилепившемуся к стене умывальничку. Тщательно вымыл руки. Обработал их голубоватой жидкостью из стоящего тут же флакончика.

– Халат в платяном шкафу возьми, – сказал Дымов и принялся выкладывать на стол инструменты.

Артур надел халат. Подошёл к столу и натянул резиновые перчатки.

– Вон ту ванночку возьми, – Дымов вытянул руку с затянутыми в резину пальцами. – Нет, лучше то ведро.

И взял со стола скальпель.

Держа на весу ведро, Артур смотрел, как Дымов обколол распухшую руку новокаином, как выбрил мягкие светлые волосы от кисти до сгиба локтя, как вжал лезвие скальпеля в натянувшуюся кожу. Потом его стошнило и он отвернулся. Повернулся, лишь когда Дымов крикнул:

– Держи ровнее ведро, на пол льётся.

И тут же снова отвернулся.

Минут через десять Бакотов жалобно произнёс:

– Таперича шибко больно.

– Ничего, – успокоил его Дымов. – Осталось совсем чуть-чуть. Артур, убери ведро. Оставь его у входа и принеси ванночку.

Стараясь не разглядывать содержимое, Артур поставил ведро у двери. Взял с полки ванночку и, лишь опуская её на стол, впервые посмел окинуть его поверхность взглядом.

Он увидел грязные тампоны и тряпки на побуревшей от нечистой крови простыне, тёмное месиво между двумя лоскутами чудовищно растянутой кожи и еле успел добежать до раковины.

– Усечь кожу я тебе сам не смогу, – сказал тем временем Дымов. – Я тебе её пока так задренирую...

Бакотов застонал.

– Сейчас, потерпи дружок, тут у тебя ещё некротические ткани остались... Чёрт, химопсина бы. У меня здесь никаких ферментов, один фурацилин и антибиотики. Артур, возьми в шкафу фурацилин с перекисью. И достань пенициллин с ампициллином. Придётся вводить и стафило- и стрептофаги. Я здесь даже раневую микрофлору высеять не смогу... Сейчас, дружок, сейчас. Артур, поменяй перчатки и приготовь марлевый дренаж. Хорошо... Нет, этого мало. И посмотри, сколько осталось стерильной марли. Дренаж надо будет менять четыре раза в сутки.

Артур застыл у раскрытой двери шкафа. Сказал, не поворачиваясь:

– Это невозможно.

– Что не возможно, – рассеянно, спросил Дымов.

– Тебе что, никто ничего не сказал?

– А что мне должны были сказать?

– Мы с тобой завтра на семнадцатый пост заступаем.

Артур подошёл к столу с запечатанной пачкой марли. Положил. Стянул старые перчатки и принялся натягивать новые.

– С каких это пор пожарники караулы мочат?

– Полбатальона в госпитале с отравлением лежит.

– Таак, – протянул Дымов. – Интересно, почему я всё узнаю в последнюю очередь?

– Да нет, – сказал Артур. – Это мне из-за губы раньше сообщили.

– Слушай, точно. Ты же на гауптвахте должен сидеть...

– Парни, вы обо мне не забыли? – раздался жалобный голос Бакотова.

– Ладно, – сказал Дымов. – Убери пока марлю... И набери два куба новокаина в шприц.

Он встал и подошёл к шкафу. Засунул руку под стопку чистых халатов и извлёк на свет продолговатый кожаный пенал. Открыл его, и кончики тонких серебристых игл заблестели в свете электрических ламп. Вернувшись к столу, он вытащил одну из них и, положив пенал на стол, принялся протирать смоченной в спирте ваткой. Потом зашёл за спину Бакотова. Тот принялся испуганно вертеть головой.

– Коля, посиди, пожалуйста, спокойно.

Дымов склонился над сидящим на табурете солдатом. Провёл смоченной спиртом ваткой вдоль позвоночника.

– Ты зачем это... – начал было Бакотов.

– Сиди смирно! – оборвал его Дымов.

Он долго возился, высматривая, высчитывая приметы на колючем юношеском позвоночнике, морща лоб и бормоча что-то себе под нос. Потом вздохнул глубоко и прижал кончик серебристой иглы к ложбинке между позвонками.

– Серёж, можно тебя на минутку, – сказал Артур.

– Подожди, не время сейчас...

– Серёжа, подойди, пожалуйста, сюда.

Дымов встал и отложил иглу. Подошёл к ждавшему его у двери Артуру.

– Ты чего это делать собрался? – тихо спросил Артур.

– Послушай. Если в ране останутся некротические ткани и фибринозный налёт, послезавтра ему в лучшем случае отнимут руку...

– Положи больше антибиотиков...

– Чушь! Время действия антибиотиков – четыре часа. Если новые вводить реже, штаммы привыкают и вырабатывают иммунитет, а сам дренаж служит дополнительным источником инфекции. Я должен почистить рану до живых, сильно воспалённых тканей. Локально я такое пространство обезболить не могу...

Бакотов напряжённо вслушивался в тихую речь Дымова.

– Сейчас, сейчас, – обернулся он к ёрзающему на стуле солдату.

– Сергей, что ты хочешь делать иглой?!

– Мне надо обездвижить на время руку, лишить её чувствительности. У третьего от крестца сегмента проходят корешки, отвечающие за конечности. При непосредственной анестезии обеих пар конечность теряет подвижность и чувствительность на время действия препарата...

– Ты сошёл с ума!

– Артур, послушай...

– Ты сошёл с ума!

– У тебя есть другие предложения? Может быть, у тебя есть противошоковые препараты? Или сильные анальгетики? Тогда заткнись и дай мне работать... И не пугай мне ребёнка...

– Эй, вы чего там, эй... – донеслось с противоположной стороны комнаты.

...Это было невероятно! В это невозможно было поверить! Распластанная, развороченная рука спала, совершенно не отзываясь на быстрые и точные движения скальпеля. Спали сморщившиеся и обвисшие края лоскутов кожи. Спали желтоватые нити нервов и белёсые перепонки связок. И сизые хитросплетения вен. И сочащиеся янтарным соком изъеденные бактериями ткани. И над всем этим сонным царством парили внимательные и живые глаза сержанта Дымова. Только они да колеблющаяся в такт дыханию марлевая повязка, да бледная рука с зажатым в ней лезвием жили сейчас в этой комнате.

Артур, затаив дыхание, следил за полётом скальпеля. Его больше не тошнило, ему было хорошо, несмотря на весь трагизм ситуации. Несмотря на пятна крови на белой простыне, отвратительный запах, пропитавший комнату, бледное, покрытое капельками пота лицо Бакотова. Ему было хорошо и покойно рядом с этим человеком в белом халате, и, пожалуй, сейчас он впервые понял, как близок ему Сергей Дымов. Как близок и как дорог.

Тем временем Дымов отложил скальпель. Принялся выбирать в шприц антибиотик.

– Готовить дренаж? – спросил Артур.

Дымов покачал головой. Спросил Бакотова, как он, и задержал ладонью его лицо, когда тот попытался взглянуть на свою руку.

Когда через двадцать минут они покидали комнату, Дымов наклонившись к Артуру шепнул ему на ухо:

– Надеюсь, я всё сделал правильно. Если нет – сначала ему конец, а потом и нам...

На улице было темно. На лицо падала холодная крошка. Артур вдохнул и выпустил изо рта маленькое белое облачко. Прикрыв дверь, догнал товарищей. По свежевывающему снегу они дошли до КПП, у которого их пути разошлись. Дымов

зашагал к заводской проходной, туда, где из трубы пожарной части в небо поднимался вертикальный столб дыма.

Артур с Бакотовым пошли к казарме. Прежде чем войти, Артур обернулся и выхватил взглядом грузные формы прапорщика Попова, хлебающего свой чай на КПП. В следующую секунду дневальный на тумбочке крикнул «Смирно!», и Артур прижал палец к губам. До отбоя оставалось не более двадцати минут.

По дороге в своё расположение Артур завернул к четвёртому взводу. Многие солдаты уже лежали в постелях. Пахло ваксой и грязными портянками. Повар Лёха сидел на своей кровати. Рядом кто-то из молодняка пришивал к его гимнастёрке подворотничок.

– Дело есть, – сказал Артур, подсаживаясь.

Лёха заинтересованно посмотрел на него.

– Бакотову из первого взвода хорошее питание нужно. Болен он. Серьёзно болен...

– Тыфу ты, а я уж думал, ты насчёт мяса передумал!

– Нет, насчёт мяса я не передумал.

– Ну, так а я тебе с Бакотовым помочь не могу. Пайку дополнительную он от своих кабанов получает, а от меня ему благо не светит. Не сезон. Мне теперь о своём рационе думать надо, раз дружок мой Сагамонов в религию ударился...

– На, – Артур снял с руки часы.

– Ух ты! – выдохнул Лёха, принимая их. – «Сартир»! А не шутишь?

Артур покачал головой. Сказал:

– Только чтобы без обмана. Куриный бульон, цитрусовые, витамины...

– Обижает, – сказал Лёха. – Накормлю как родного.

– Ладно, – Артур поднялся. – Пойду я. Надо выспаться, завтра на пост заступать. У двери он обернулся. Сказал:

– Только не «Сартир», а «Картье».

– А мне плевать, – отозвался Лёха. – Главное, что с двумя заводилками.

У себя он разделся и лёг среди вечного гомона и шума отодвигаемых табуреток. И даже успел увидеть сон: что-то про голубей в синем небе над родным городом. Но вскоре проснулся: кто-то светил фонариком ему в лицо. Артур прикрыл глаза рукой, и луч опал, свернул в сторону. В проходе он разглядел бесформенную фигуру прапорщика Попова. Тёмным призраком она скользнула вдоль коек и растворилась в распахнутой двери расположения. Вместе с ней исчез и луч фонарика.

Артур встал. Вытащил из-под матраса джинсы, футболку и новенькую пару носков. Достал из тумбочки кроссовки. Вытащил из шкафа новенький армейский бушлат. Одевшись, разбудил рядового Зюкала.

– Чего ты? – испуганно залепетал тот, закрывая руками лицо.

– Не бойся, – сказал ему Артур. – Просто ляг ко мне в кровать.

– Не надо... Пожалуйста, не надо...

– Да успокойся ты, дурень. Мне уйти надо, а Поп мою койку обязательно проверит. Просто поспи у меня, пока я не вернусь. А из твоей постели мы чего-нибудь соорудим.

– Аааа... А я уж было подумал...

– Дурень ты, дурень...

Проходя мимо дневального, Артур попросил у него часы. Тот, не раздумывая, стащил с запястья свою «Славу». Принимая часы у солдата, Артур взглянул на циферблат. Была четверть двенадцатого. Можно было не спешить.

На крыльце он закурил, пряча сигарету в кулак и поглядывая на дежурного по части, сидящего в двадцати шагах за стеклом. На крыльце вышел дневальный.

Артур протянул ему сигарету, и они молча курили, поглядывая на падающие с красноватого неба хлопья.

– Да, тёплая зима, – произнёс дневальный. – У нас на Урале сейчас минус тридцать и сугробы по пояс.

– Ну да, – сказал Артур. – А на губе сейчас цемент остывать начинает. Хотя не так чтобы он за день очень нагрелся. Всё, брат, познаётся в сравнении.

Он затушил сигарету о подошву и бросил окурочек в кусты. Потом перепрыгнул через собственную тень, пересёк двор и зыбким призраком мелькнул у забора. Дымов ждал его у проходной. Вместе они вышли на посты.

– За нами следы остаются, – разменял молчание Дымов.

Артур посмотрел на часы.

– Следующая смена в двенадцать. Успеет замести.

Они шли вдоль мертвых корпусов завода, подставив щёки ласкам пушистых хлопьев. Было как-то необыкновенно тихо, как это бывает только под снегом, и совсем не хотелось говорить.

– Стой, бля! Стреляю, нах! – раздался голос сержанта Калёкина..

– Полегче, Калёка! – крикнул Артур. – По уставу вначале «Кто идёт?» спрашивают.

– Я сказал, стреляю, нах!

– Этот выстрелит, – вздохнул Дымов.

– А ну ложись, бля! И по-пластунски, нах!

Дымов опустился на одно колено. Крикнул:

– Калёкин, прекрати балаган.

В морозной тишине раздался звук передёргиваемого затвора. Самого караульного видно не было. Дымов опустился на второе колено.

– Кажется, влипли, – сказал он тихо.

Артур пошёл вперёд. Прямо на голос. Туда, где должен был находиться сержант, направивший на него дуло своего автомата.

Когда он сделал шагов двадцать, из темноты на дорогу вышел Калёкин.

– Артура, ты ,что ль?! А я-то думаю, что за плесень по постам шляется...

– Я тебе сейчас дам, плесень! – Артур схватился за дуло автомата.

– Тихо, тихо, – сказал Калёкин. – Всё по уставу. Отпусти оружие...

– По уставу... По уставу по посту ходить положено, а не крысой по кустам прятаться...

– Ну ладно, чего ты завёлся, – Калёкин примирительно вытянул руку. – Уж очень проверить хотелось, ляжешь ты или не ляжешь...

– Сволочь ты, Калёкин, – произнёс подошедший сзади Дымов, отряхивая снег с вельветовых штанов.

– Но-но, без оскорблений! А то не посмотрю, что доктор, пуцу в расход, нах!

Он взял автомат за ствол и, вытащив магазин, передёрнул затвор. Остроносый автоматный патрон упал в снег. Калёкин нагнулся и поднял его. Выпрямившись, сказал:

– А ты, бля, Сагамонов, мужик. Не врут люди, нах...

У железнодорожного тупика они перемахнули через забор. Дымов порвал штаны о колючую проволоку.

– Да что же это такое, в конце-то концов! – культивированно выругался он.

Артур спрятал улыбку в темноте.

Вдоль забора они дошли до дороги. Машин не было. В близлежащих домах светилось несколько окон. Над оставшимся позади заводом висела жёлтая луна.

– У тебя чего сегодня? – спросил Артур.

– Банальный аборт, – ответил Дымов. – Но, как всегда, в приятной компании.

– Да, – усмехнулся Артур, – компания и у меня приятная. Но, надеюсь, обойдётся без абортот.

И они разошлись. Дымов пошёл вверх по дороге, а Артур перешёл улицу и углубился в офицерский посёлок, встретивший его гробовой тишиной.

Ему понадобилось минут пять, чтобы дойти до конца улицы. У последнего дома он остановился. Тихонько прокрался к калитке и скинул с неё скобу. Где-то вдалеке залаяла собака.

Узкая мощеная тропинка, ведущая к дому, была покрыта белым слоем. Артур задрал голову. Снег почти прекратился и падал теперь реденькой мелкой крупой. Решив не рисковать, он шагнул в сад. Между давно не стриженной изгородью и смородиновыми кустами прошёл к дому. Там, вжавшись в стену, сделал несколько осторожных шагов по мокрому гравию и тихонько постучал в дверь.

Открыли ему почти сразу. Он вступил во мрак и, слегка запутавшись в полах ночной рубашки, прижался к мокрой от слёз щеке.

– Ну, чего ты, – сказал он, целуя её в солёные губы.

– Так, как сегодня, я ещё никогда не боялась...

– Ну что ты, я же здесь.

– Я думала, он тебя застрелит.

– Ну, вот ещё! Глупости какие...

– Ты его не знаешь! Он иногда совершенно непредсказуем... И почему он тебя так ненавидит?!

– Я люблю его жену. Я сплю в его постели. Я...

– Но ведь он же не знает?!

– Чувствует. Дымов говорит, мы живём в мире причин и следствий. Больше, говорит, ничего нет. Пойдём в дом, а?

Взявшись за руки, они прошли в столовую. Сели на колючий шерстяной ковёр. Она спрятала голову у него на груди. Он сидел и гладил её волосы, время от времени целуя макушку и кончики ушей. Она пахла сваренной на молоке манной кашей. Везде-везде.

Таня подняла голову и поцеловала его в шею. Провела губами по ключицам. Взялась пальцами за низ футболки.

– Танюш, давай просто так посидим.

– Давай, – её голова вернулась к нему на грудь. В своё тёплое уютное гнездышко.

– Я рассказывал тебе про своего отца? – спросил Артур.

Её тепло, смешавшись с запахом ночной рубашки, постепенно обволакивало его, заставляя натянутые как струны нервы безвольно обвиснуть.

– Нет, – промурлыкала она, уткнувшись носом в его футболку.

– Дымов говорит, я воюю за его любовь. И все мои беды из-за этого. Странно, да? Я ведь его совсем не знаю. Дома он бывал редко... Хотя, Дымов говорит, в этом-то всё и дело.

– А почему он не бывал дома. Он что, геолог?

– В какой-то мере, – усмехнулся Артур. – Геолог...

Они помолчали.

– Странно, да? – сказал вдруг Артур. – Придёт, месяца два пробудет и снова...

А мать с него пылинки сдувает, дружков его кормит и поит... Да и я, как собачонка, у ног верчусь: папка, папка... Я, знаешь, рыбками в детстве увлекался, даже две породы впервые в неволе развёл: «риногобиус симили» и «элеотрис небулозус». Потом статью мою в журнале «Рыболовство и рыбоводство» напечатали. «Аму-Дарья – русская Амазонка». Лет одиннадцать мне тогда было... Или двенадцать, не помню... Потом он приехал. Поел, в кресло сел, закурил. Я ему, пап, говорю, смотри, у меня рыбки отнерестились... А он на пол сплюнул и сказал: «И это мой

сын!..» И все два месяца, пока его снова не... В общем, бычки он в аквариумах тушил. А я... А я ночами плакал... А когда его заб... когда его не стало, я пошёл в школу и забил до полусмерти одноклассника. Он мне в щёку из плевательницы бумажкой попал. Вот тогда всё и началось... И знаешь, не то чтобы мне по лезвию ходить нравился. Нет. Меня словно кто-то за ниточку тянет. А вот отцу нравилось, да... Ему нравилось... Дымов говорит, мне надо начинать жить своей жизнью. А какая она, моя жизнь? Ты случайно не знаешь?

Она промолчала.

– Вот из караула вернусь, надо будет подумать.

– Совсем тебе твой Дымов мозги запудрил...

– Дымов дело говорит.

Таня фыркнула, и он улыбнулся, представив, как она надула губки в темноте.

– Татьяна, ты ревнуешь?

– Нет... Да... Не знаю.

– Татьянаана!..

Она навалилась на него и закрыла рот поцелуем. Оторвавшись, сказала:

– Такой ты у меня, оказывается, болтун! Ужас!

– Что есть, то есть, – сказал он весело, внезапно почувствовав приятную пустоту в душе. – Как альтернативу предлагаю тихонечко включить радио.

Она встала и, подойдя к стоящей на трюмо магнитоле, повернула ручку. Из динамика раздался голос Фредди Меркури.

Привыкшими к темноте глазами он смотрел, как она скидывает ночную рубашку. Лёгкий ветерок донёс запахи её тела.

– Интересно, о чём они поют? – Таня подошла и опустилась на пол. – Ты понимаешь?

– Кто же хочет жить вечно, если любовь должна умереть, – усмехнулся в темноте Артур.

– Пошленько, – сказала она, стаскивая с него футболку.

8

В казарму он вернулся около трёх. Дежурного по части на КПП не было. Не было его и в казарме.

Артур разбудил сопевшего в его подушку Зюкала. Помог ему разобрать скрученное из пары одеял чучело. Затем снял с себя гражданское и засунул под матрас. Лёг в кровать и попытался заснуть.

Сон не шёл. Промучившись с четверть часа, он поднялся и вышел в коридор. Трое новобранцев драили пол под руководством дневального с чудовищным чубом. В расположении четвёртого взвода не спали. Пятеро молодых играли импровизированный концерт. Тема изначально называлась «Во поле берёзонька стояла». Коренастый малыш солировал тоненьким голоском. Худощавый азиат сидел на ударных. Кроме этого присутствовали бас-гитара, соло-гитара и саксофон. Лейтмотивом была песня «Ганз энд роузиз», «Райский городок» – если он, конечно, не ошибался. Соло-гитарист, играя на воображаемом инструменте, извивался как червяк. Саксофонист филонил, за что и схлопотал подзатыльник.

Несколько старослужащих сидели рядом, попивая сивуху, судя по цвету, во всяком случае. Один из них протянул стакан. Артур, поблагодарив, отказался. Двинулся вглубь помещения. Прошёл мимо бойца, изображающего дембельский поезд. Мимо другого, с усердием начищающего чьи-то сапоги...

У самой стены сидел штабной писарь и с ним ещё несколько солдат. В руках у писаря было письмо.

– Садись, Артурыч, послушай. Сегодня в корзине у зампотеха нашёл.

Артур остался стоять. Писарь поёрзал с минуту и начал читать:

«Здравствуй, дорогой друг! С пламенным приветом пишет тебе твой собрат по оружию с далёкого острова Диксон. Вспоминая твоё “Здорово, пехота”, хочется плакать. Хочется плакать, потому что драпала доблестная пехота из дружественной Чехословакии прямо в обосранных подгузниках. Эх, да чего там говорить! Дали нам сроку девять месяцев, как нагулявшей байстрюка публичной девке... Прости меня, друг мой, я пьян. Я безнадёжно пьян, потому как трезвому в плохо отапливаемом офицерском общежитии холодно и тоскливо. И стыдно. Стыдно смотреть на беременную жену. Больно читать в её глазах...»

– Тут, это, несколько строчек зачёркнуто, видно, вообще уже лыка не вязал. Ага, вот тут дальше:

«...Доброй половине наших, особенно мелкозернистым, от старшого и ниже (хотя куда уже ниже?), внаглую предложили уволиться, потому как квартир всё равно нет и на довольствие всех не поставишь... Командный состав, бля, добро вагонами вывозил, даже пиво ящиками и всякой там бехеровки-шмехеровки. А я, бля, тут с оленями да с тюленями волком вою в ёбаной береговой охране, хотя хули тут охранять, кроме Клавкиного живота, да и он кому на хуй нужен... Всё, бля, писать не могу. Вынужден занять горизонтальное положение...»

Писарь расхохотался. Артур вырвал у него письмо. Сказал:

– Сука ты, Налим. Сука неисправимая.

– Ты чего, Артурыч...

– Никакой я тебе не Артурыч. Над чем ты смеёшься? Над тем, что люди веру в хорошее теряют?! Тварина ты, погань штабная! Хочешь, чтобы я тебя при кабанах на колени поставил?..

– Ты чего, Артур?!

– Того. Письмо это человек писал. И не тебе, гнида, над ним потешаться.

Пшёл отсюда!

– Артур, я сплю здесь...

– Пшёл отсюда, я сказал!

Писарь встал и, прижимаясь к кроватям, заспешил к выходу.

– Юращенко кто видел? – спросил Артур.

– На подсобке он, – отозвался кто-то. – Зампотыл его свинарник чистить загнал. Думаю, до утра не появится.

– Ясно, – Артур ударил кулаком в стойку кровати. – Эх! Что же вы, воины, уши развесили?! Некому остановить паскуду?!

Молчание было ему ответом.

Уже засыпая, он услышал возглас дневального «Рота, смирно!», и через несколько минут назойливый луч фонарика уткнулся ему в лицо. Но это было уже неважно.

Наутро Артур вскочил с подъёмом, выспавшийся и бодрый. Вместе со всеми поскакал в умывальник, чтобы подставить заросший затылок под ледяную струю. Солдаты удивлённо оглядывались на него; в это время они привыкли видеть его в постели.

– Хороша служба! – хохотал он, брызгая водой в заспанные лица.

И, натянув сапоги, бежал вниз, туда, где уже строились воины в длинную ломающую колонну.

– Тебя чего, Артурик, в сроке службы понизили?! – кричали ему с брусьев.

– Хорош курить, болезные! – кричал он в ответ. – На гражданку вернётесь – жёны от вас чинариков нарожают! Дочку, спросят, как зовут, а вы ответите: Родопи!

И смеясь, он вышагивал по плацу. Солдаты, идущие рядом с ним, тянули ножку.

– А ну подтянись, Онуфриенко! – кричал Артур шагающему рядом сержанту. – Где кренделёк, где оттяжечка?! Бери с подчинённых своих пример...

Он обвёл взглядом тёмный плац, обрамлённый остатками вчерашнего снега и, воздев голову к морозному небу, крикнул:

– Хорошо шагаешь, ремрота!

– Рады стараться, товарищ армии черпак!!! – грянул ответ.

И Артур радостно расхохотался.

На завтраке он отдал своё масло рядовому Зюкалу. Солдат покорно склонил шею для удара.

– Ну чего ты, дурень, – Артур потрепал его по шершавому затылку. – Ешь давай..

С соседнего стола наклонился детина с рыжим пухом на щеках.

– Тарелочку из-под сахара не дадите облизать?

– На, оближи, – сказал сержант Белый и швырнул тарелкой прямо детине в лицо.

Тот вскрикнул и прижал ладонь к разбитой губе. И у Артура испортилось настроение.

Несколько часов он отработал на заводе. ГАЗ-66, доставшийся им сегодня, был на редкость ржавый, и они провозились часа два, снимая кабину.

– Артурка, сходил бы за кабанами, – просил его Кизякаев. – Мы ведь так до вечера не управимся.

– А завтра чего делать будете? А послезавтра? – Артур закрепил за кабину крюк кран-балки. – Нет уж, давай-ка сегодня своими силами. Алимардонов, уснул, что ли?! Давай, дуй за автогеном...

– Да иду уже, иду, – проворчал тот, и кадык его исполнил возмущённую чечётку.

Около одиннадцати Артур вышел из цеха. Направился в пожарную часть. По дороге зашёл к Воронину и забрал приготовленный для Дымова свёрток. Откинув брезент полога, вышел наружу. Пошёл по асфальтированной дорожке вдоль поста номер один, мимо обшарпанных строений, мимо ангара для командирского УАЗика, мимо грязных комьев лежалого снега...

Когда выходил из проходной, раздался возглас «Часть, смирно!», и Артур увидел в десятке метров от себя голубые погоны полковника Скрыля. Едва успев отбросить свёрток, он остановился и вытянулся по струнке.

– Солдат, ко мне! – крикнул ему командир части.

Артур пошёл было вразвалочку, но потом, закусив губу, побежал. Подбежав, вытянулся снова и отдал честь.

– Вольно, – сказал полковник, прищурившись. – Что-то не похоже на тебя такое рвение.

Артур промолчал.

– Ладно, ладно, – сказал Скрыль. – Человеку ошибаться свойственно... Человеку, но не солдату!

Артур молча разглядывал парашютистов на голубых петлицах.

– Даём тебе сегодня последний шанс. Замполиту своему можешь сказать спасибо...

Артур молчал.

– Ну, скажи уж чего-нибудь, Сагамонов, раз ты сегодня такой ласковый.

Артур улыбнулся. Сказал:

- Если командир части знает твою фамилию, это не всегда хороший знак.
- Сам придумал?
- Не, Конфуций.

– Ну-ну. Так чего тут знать-то?! Часть-то крошечная. Вот в Борно-Сулинове у меня десантный полк был, там твоя пословица была бы к месту.

«Интересно», – подумал Артур. «Чего это тебя с десантного полка на полугражданский заводик перебросили?» Но вслух ничего не сказал.

– Ладно, Сагамонов, – произнёс Скрыль. – Я вот думаю, может, ты не тот, за кого мы все тебя принимаем. Может, тебе просто скучно в солнечную-то погоду? Может, ты герой и тебе гром нужен? А, Сагамонов? Может, под его, грома этого, раскаты твоя сущность героическая и проявится? Если так, то понимаю. Как ты думаешь, каково мне здесь сидеть после десантного-то полка? Вопрос риторический, можешь не отвечать.

– А я и не собирался.

Полковник снял фуражку и пригладил седые виски. Сказал:

– Герой. Только ты учти, герой, что в части ЧП, и для твоего чудесного перевоплощения сейчас самое время...

– Талантами земля русская полнится, – сказал Дымов, разворачивая свёрток.

– Ты ещё его клинков не видел! – махнул рукой Артур. Принёс я один такой антиквару, а он его в руки взял, бережно так погладил, аж дыхание затаил, и говорит: «Тоledo Саламанка! Одиннадцатый век! Чудо мосарабских кузнецов!» И так благоговейно, знаешь: «Откуда он у вас?» А эта Саламанка с неделю назад была рессорой от списанного шестьдесят шестого... Хотя Ворона говорит, у ЗИЛа рессоры лучше.

Дымов взял новенький скальпель. Воздел руку к лампочке под потолком. Сказал, вскинув голову:

– Обер и Дюваль! Двадцатый век! Чудо французских сталеваров!

Артур расхохотался. Спросил:

– Что, правда такая есть?

– Считается лучшей нержавеющейкой в мире. Хотя есть, конечно, ещё Ф. Ц. Дик и Золинген... Но вот это... – он потряс зажатый в кулаке скальпелем, – это тоже здорово. Кстати, откуда у него нержавеющейка?

Артур пожал плечами.

– Я не спрашивал, он не говорил... Ты же знаешь Ворону. Из него слова клещами не вытянешь.

– Да, Воронин чудесный парень. Добрый очень. Как он чемпионом Белоруссии по боксу умудрился стать, ума не приложу. Помню, в начале моей службы нас вместе в наряд по гарнизону послали. Он меня у тумбочки оставил, а сам пол принялся мыть. Солдаты местные над ним потешаются, а он улыбается и тряпкой пол трёт. Старательно так. И на шуточки их совсем не реагирует. Только очень уверенный в себе человек может противостоять толпе. Мало таких. Иисус...

– Серёга, не заводись, – сказал Артур.

Дымов грустно посмотрел на него. Потом рассмеялся.

– Чего смеёшься, дурень, – покачал головой Артур.

– Смешной ты, вот и смеюсь. А Воронин действительно сильный. Сильный и терпеливый. Если в человеке есть два этих качества, за него можно быть спокойным.

– Ты откуда знаешь, что он терпеливый?

– Руку я ему оперировал. Без анестезии. Когда же это было, дай бог памяти? Кажется, в июле. Ни звука не проронил. Сидел и другой рукой пирамидки из спичек строил...

Дымов опустил скальпель в грудку хирургического инструмента и вновь запаковал свёрток. Потом достал из-под кровати большую холщовую сумку.

– Посмотри, никто не идёт, – попросил он Артура и высыпал содержимое сумки. На стол легли облатки таблеток, упаковки ампул, новенькие шприцы с иглами, пачки ваты и бинтов.

Артур вышел. Минут через пять вернулся.

– Когда заступаем? – спросил Дымов.

– Как обычно. После четырёх, вместе с суточным нарядом, – отозвался Артур, беря в руки одну из упаковок.

– Амнопон, – прочитал он вслух. – С гарнизонных складов?

– Из нашей медсанчасти, – Дымов взял у него из рук ампулы и убрал их в стоящий у стены брезентовый рюкзак. Туда же перекочевали и все остальные лежащие на столе предметы.

– Пошли третьего искать? – спросил Артур.

– А кто у нас третий? – поинтересовался Дымов, воюя со стягивающими рюкзак тесёмками.

– Юращенко.

Дымов опустил рюкзак на пол и, к большому удивлению Артура, непечатно выругался.

10

Минут через десять они шли вдоль высоких угольных насыпей по посту номер два.

– Везут, везут... Скоро завод сворачивать, а они всё везут... – сказал Дымов.

– Уголь денег стоит, – Артур поднял маленький чёрный камешек. – Пока он там, – он мотнул головой в сторону ворот, – он их. А здесь он наш. А наш – значит ничей. Я уже сам было на него глаз положил, да дают мало. А вагонами грузить – возиться не хочется...

Дымов внимательно посмотрел на него.

– Не хотелось, – поправился Артур.

Около сотни метров они прошли молча. Угольные насыпи обмельчали. За ними уже можно было различить бурые, с соломенными и белыми проплешинами, склоны. Местами выскальзывала глянцевая поверхность реки, отливающая свинцовым в матовом, профильтрованном сквозь громаду облаков свете. Артур сказал:

– Мне парни из моторного УАЗик собрали из списанных запчастей. Ума не приложу, что с ним делать.

– И где же стоит этот шедевр коллективного зодчества? – спросил Дымов.

– На площадке, вместе с готовой техникой. Если за неделю не отогнать, увезут вместе с остальными в Мотыкало.

– Пусть увозят, – Дымов шёл, опустив взгляд в землю.

– Я так не могу. Ребятам заплатить надо. Они с ним больше трёх месяцев возились...

– Артур, или в одну сторону, или в другую, – сказал Дымов. – В обе нельзя. Получится, как в «Лебедь, рак и щука».

– Ненавижу тебя, – проворчал Артур. – Не из-за денег же, бля! Просто у них дело общее было. В кои веки раз. Они жили этим. Понимаешь?!

– А как заканчивались до сих пор твои общие дела?

– Ненавижу тебя, – повторил Артур.

– И лучше было бы, чтобы они машину разобрали. Попадутся – сам же себе не простишь...

– Да пошёл ты, – сказал Артур и ускорил шаг.

Дымов догнал его, и вместе они завернули за край угольной насыпи. Там взору их предстала следующая картина.

Из дверей прилепившегося к вершине холма свинарника вырывался бурлящий поток. Склон, по которому вода стекала к реке, пузырился бурыми комьями. Некоторые из них поднимались вверх, другие скатывались в реку. Дымов изумлённо посмотрел на Артура.

– Поросята, – сказал тот, и они вступили на гулкие доски моста.

А склон перед ними пенился, шевелился, визжал...

Дверь свинарника, дрожа, выпустила последнюю воду и застыла, оставив проём сочиться струйками и ручейками. Стараясь не ступать в глубокие лужи, они подошли ближе и заглянули внутрь.

В свинарнике царила тьма, плотная и вязкая. Потом она вдруг раздвинулась, и наружу, мелко семеня копытцами, выбежал поросёнок. Он тревожно хрюкнул, поскользнулся и скатился на брюхе по размокшему склону. Проводив его взглядами, они шагнули внутрь.

Шли вслепую, осторожности ради вытянув перед собой руки. Под ногами хлюпало и проседало. За загонами визжали свиньи, их массивные тела бились о перегородки с глухим стуком.

На ощупь, перебирая руками по шершавому частоколу, они двигались вперёд. Двери некоторых загонов были распахнуты, за их проёмами царила мёртвая тишина.

– Что здесь, интересно, случилось? – спросил Дымов. – И почему света нет?

– Ох! – сдавленно вскрикнул Артур.

Что-то мокрое и живое кинулось ему под ноги, отбросив к изгороди, ударилось несколько раз в близлежащие ограждения и с визгом кинулось в сторону, из которой они пришли.

– Что случилось, Артур?! Ты живой?

– Живой, живой... – проворчал Артур, чувствуя, как его сапоги наполняются влагой.

Держась за ограду, он нагнулся и нащупал в месиве под ногами свою шапку. Выжал её и засунул за болтающийся у пояса ремень.

– Вернёмся? – спросил Дымов.

– Давай в подсобку заглянем. Может, там кто-нибудь есть...

За грубо сколоченной из неструганых досок дверью горел свет. Ослепнув на первые несколько секунд, они застыли на пороге. Когда же зрение вернулось, сдвинуться с места они так и не смогли.

У широченной скамьи стоял согнувшись зампотыл части прапорщик Пуцек с портупеей в вытянутой правой руке.левой он придавливал к скамье бритый затылок рядового Юращенко, стоящего на коленях. Галифе солдата были приспущены, и белоснежный зад сиял на фоне потемневшей от времени древесины. Хомуты, вилы и прочая утварь в спокойном безмолвии созерцали со стен вершающуюся в их присутствии расправу.

– Хрясь! – врезалась дублёная кожа портупеи в дебелую кожицу солдатского пончика.

– Хлоп! – шлёпалась следом полная, судя по звуку, кобура.

– Что делать будем? – тихо спросил Дымов.

– Кажется, вот это и называется «огульно охаживать»... – прошептал Артур, набрал в лёгкие воздуха и что было сил гаркнул:

– Отставить экзекуцию, товарищ, ёма, прапорщик!

Получилось очень похоже на майора Оскому. Дымов прыснул.

Пуцек обернулся. Рука с взвившейся портупеей застыла в воздухе. Глаза ошалело таращились на солдат.

– Товарищ прапорщик, разрешите обратиться, – отчеканил Артур, пользуясь заминкой.

– Обратиться, бля, – портупея, взвизгнув, снова врезалась в зад Юращенко.

– Обращайтесь.

– Хрясь! Хлоп!

– Я, бля, ща тут кое-кому обращаюсь... Хрясь! Так, бля, обращаюсь, что, бля, обращалка отвалится... Хрясь! Хлоп!

Юращенко, как это ни странно, деловито сопел.

– Смотри, тля, даже не вскрикнет... Хрясь! Я, бля, Ваську полжизни лечил, у него только с год, как вставать начал, а ты всех поросят... У, бля, уродец сраный...

– Хрясь! Хлоп! Хрясь! Хлоп!

Артур подошёл и схватил зампотыла за кисть.

– Но-но, чёрт лукавый! – взревел тот, вырывая руку. – Ща и тебе жолдас отполирую...

– Товарищ прапорщик, – спокойно сказал Артур. – Рядового Юращенко срочно к командиру части...

– Я вашего, бля, рядового, на губе за вредительство сгною... Хрясь! Сорок восемь суток вне очереди!.. Хрясь! Семьсот суток...! Хрясь! Сто шендернадцать суток! Боже ж ты мой! – он опустил на скамью, уронил портупею на пол и закрыл лицо руками. – Сколько же я с Васькой возился... Всё коту под хвост... Всё! Утоп, герой-ебливчик! Утоп!

Зампотыл согнулся, коснулся лицом колен, и плечи его сотрясли рыдания...

– Васька мой, Васька...

Артур поднял Юращенко с колен, помог нахлобучить шапку и мотнул головой в сторону двери. Когда они выходили, прапорщик Пуцек сидел в той же позе и плечи его по-прежнему тряслись...

– Да я рассчитал всё, точно говорю! – оправдывался долговязый Юращенко, когда они спускались с холма к реке. – И я так уже двести пятьдесят раз делал... Я в школе на труде макет построил, а меня потом на олимпиады мелиораторов и всё такое... Медаль даже дали – за доблесть и смекалку...

Он почесал затылок в галифе зад.

– ... Собрал я, короче, насосы с рукавами со всех теплиц... Даже из новой взял, что на откосе... Там насосище отличный стоит, из-за него, думаю, ошибка и вышла. Да и то, что уснул, вот... А так бы ещё и отпуск дали... А может, я бы армии патент продал... Освободил бы, так сказать, солдат от рабского труда. А чего, пару насосов, рукава в реку, и кемарь себе, пока вода на полметра не поднимется...

– Полметра! – не выдержал Артур. – А поросята?! Тоже полметра?!

– Ааааа...

– Ага, – сказал Артур и вlepил Юращенко подзатыльник. Потом нагнулся и схватил в охапку барахтающегося в грязи поросёнка...

– Эх, хреном бы его натереть да пивом полить, ёптэ! – крикнул Лёха из кухни, лязгая заслонкой духовки. – Да где же его сейчас добудешь, пива...

Артур с Дымовым доедали борщ. В помещении для приёма пищи кроме них никого не было.

– Я под это дело полбуханки смолотить могу, – сказал Артур, натирая ржаную горбушку чесноком.

– Дурная привычка, – сказал Дымов.

– Серёж, я тебя, конечно, уважаю, но иногда ты как затянешь свою заунывную песню...

– Чего вы там? Про борщ? – подал голос Лёха, выходя из кухни. – Так я его свежим свекольным соком заправил. Меня и в офицерку кличут, ёптэ, если борщ по расписанию..

– Алексей, а солдаты сегодня что на обед кушали? – поинтересовался Дымов.

– Чего-чего... Знамо чего. Сало-волосало, ёптэ, с перловкой третьей жёсткости.

– Вот поэтому, Артур, у Бакотова была такая слабая иммунная реакция. Сало-волосало...

– Да, кстати, ты Бакотова хорошо кормишь? – спросил Артур Лёху.

– Обижаешь, ёптэ, – ответил тот, бросив взгляд на часы. – Утром ему яблочек с морковкой пошкрябал, яйцо всмятку, медку опять же... В обед борща с чесночком, на ужин картошечки гражданской дам, рыбку поджарю, почти без опарышей...

Внезапно скрипнула входная дверь и в столовую вошёл Бакотов.

– О! – воскликнул Лёха. – Говно вспомни, оно и всплывёт... Тебе чего надо, воин? Али добавки захотел? Таким, как ты, ёптэ, хрен в рот не клади – откусют... Бакотов стоял насупившись и прижимая к груди больную руку.

– Пойду перевяжу его, – Дымов встал.

– Я тебе нужен? – спросил Артур.

Дымов покачал головой. Придвинув стул, пошёл к выходу.

– Удивляюсь я вам, – сказал Лёха, не дожидаясь, пока Бакотов выйдет. – И чего вы на всякую лошкатню силы тратите?! Как по мне бы, так хоть бы совсем сгнил, жених, ёптэ...

Дымов обернулся уже при выходе и укоризненно покачал головой.

– Лёх, хлебало закрой, – сказал Артур.

– Чего?!

– Хлебало, говорю, закрой.

– Не понял!..

– Сейчас черпаком тресну по сопатке, тогда поймёшь.

Артур поднялся. Придвинул стул. Сказал:

– Веришь, я сейчас впервые пожалел, что часы тебе отдал.

– Ну... это уж... – начал было повар.

– Они, Лёх, – перебил его Артур, – на твоей руке потускнеют и обесценятся...

Придя в казарму, он лёг на койку и сразу уснул. Проспал не долго. Ему показалось – всего несколько мгновений. Просто голову заволокло туманом, и сквозь него, сквозь туман этот, Артур вдруг услышал голос Дымова. Он сделал над собой усилие и раскрыл глаза.

– Я помешал? – спросил Дымов, примостив свои без вершка два метра на краешек кровати.

– Да уж не помог, это точно. Перед нарядом вообще-то отдых полагается. Особенно после бессонной ночи...

– Извини.

– Ладно, брось. Как там Бакотов?

– Ты знаешь, ничего, – радостно улыбнулся Дымов. – Грануляции розовые и сочные, эпителизация по краям нормальная...

– Серёг, говори по-человечески, и так голова раскалывается...

– В общем, будет жить рядовой Бакотов. Я его антибиотиками снабдил. Станет колоть каждые четыре часа внутримышечно – до нашего возвращения дотянет... Главное, что он питается нормально. Это, пожалуй, важнее всего... Да, кстати, я сегодня твои часы у Алексея на руке видел?

Артур кивнул, поморщившись.

– Так, на пару дней поносить дал.

Дымов покачал головой. Сказал:

– Почему бы просто не обрадоваться возможности сделать доброе дело...

– Серёг, давай сейчас без проповедей обойдёмся. Я его и так куска хлеба лишил...

– Ах, Артур, если бы ты только знал, как мало надо человеку для счастья, когда он сердцем чист и занят своим делом... Вот ты, например, когда в последний раз был счастлив?

– Сегодня ночью, – ответил Артур не задумываясь.

– А до этого?

– Когда майору Ускову погони срывал. То есть я думаю, что был счастлив. Сам-то я этого, конечно, не помню... Ладно, посиди минутку, я пёрышки почищу, у нас развод через час с небольшим... Или лучше нет, сбегай к Лёхе за поросёнком. Мне кажется, я его запах уже здесь чую...

Последующий час они провели в сборах.

Каптёр Айнашев выдал им сумки с сухарями и сухим пайком, достал спальные мешки и бушлаты. А также несколько пар шерстяных носков, печенье «Ротфронт», шоколад «Алёнка», две пачки детского питания «Малыш» и две бутылки «Столичной».

– Валенки нужны? – спросил он.

– Смеёшься? – Артур скорчил гримасу.

– А рукавицы?

Артур только махнул рукой.

– Я у тебя там флягу «Ц2Аш5ОАш» видел, – обратился Артур к Дымову, когда они вышли в коридор. Наша доля присутствует?

Дымов отрицательно покачал головой. Артур снова вошёл в каптёрку. Через пару минут вернулся. Затягивая вещмешок, сказал:

– Теперь у нас и без этанола достаточно антисептика.

В оружейной комнате, куда они пришли получать оружие и боеприпасы, препирались Попов и Пуцек.

– ...Бабец у тебя голый на стенах вместо портретов Ленина! – кричал дежурный по части.

– Да при чём тут это, бля. Он мне Ваську угробил, да поросят не считано! Пусть теперь отвечает... Это же, бля, уголовное дело.

– Ты мне тут не блякай! Нечего было солдата ночью на подсобку загонять! Не предусматривает устав такой меры наказания... Ещё и в моё дежурство!

– Так, значит, товарищ старший прапорщик! Своим же, бля, в спину... Ну, я это так не оставлю!.. До Москвы дойду, если надо будет! Ходатайствовать буду о несоответствии...

Пуцек сплюнул на пол и выбежал из оружейки.

– Москва будет против! – крикнул ему вслед Попов.

Дымов деликатно закашлялся.

– А, солянка сборная мясная! – повернулся к ним дежурный по части. – А где третий уродец?

– А кто ж его знает, – сказал Артур. – Наверное, раны зализывает.

– Это кто же его поранил? Поросята?

– Да нет. Пуцек отстегал портупеей.

– Прапорщик Пуцек.

– Прапорщик, – согласился Артур.

– Ну-ну. На-ка, распишись за два магазина и штык-нож. Сержант Дымов, открой пирамиду и достань табельное оружие. И за свои два магазина закорючку поставь. Таак. Моя бы воля, я бы вам, конечно, на орехи выдал, а не оружие. Особенно тебе, Самогонов. И за Юращенко смотрите. У него сейчас, судя по свинарнику, полное затмение. Тотал эклипсов за хорт. Так то, Самогонов...

– Сагамонов, мать твою, – тихо сказал Артур. Дымов дёрнул его за рукав.

– Что ты сказал, солдат?! – воззрился Попов на Артура. Во взгляде его сквозило почти детское удивление.

– Сагамонов, мать твою, – повторил Артур. И добавил:

– Товарищ старший прапорщик.

С минуту они молча смотрели друг на друга. Артур поправил ляжку автомата на плече.

– Ладно, – неожиданно сказал Попов. – Раз уж у нас сегодня день всепрощения... Ступайте. На развод не опаздывайте. Да, и Юращенко не забудьте ко мне прислать...

На суточные наряды разводил дежурный по части майор Оскома. В седой шинели с маршальскими погонами и в дымину пьяный. Петляя по ведущей к плацу дорожке, он несколько раз оступился и чуть не упал.

– Наряд, смирря! – крикнул капитан Чуприна, когда нетвёрдая нога майора вступила на плац.

И побежал докладывать. Прапорщик Сармаш остался со строем.

– Я на рембыттехнике колымил, бля, – сказал сержант Калёкин. – Тама спец по печаталкам бухмеля был, который по стиралкам – так тот вообще не просыхал, а холодильщика я по трезвяне и не видел. Только начальник не бухал, подшитый был, что ли. Вот они с утраца три четверти, к одиннадцати две чекушки, в обед литруху и к расходу пол. Такой, бля, у них был приём пищи. Холодильщик, тот диабетиком был... Ну, типа, дают ему конфету, бля, закусить, а он: я, мол, диабетик, нах, не дозволено, и хрясь стопарь. В другой раз, который по стиралкам пельмени притаранил, цивильные, с лучком-чесночком, всё такое... А холодильщик в отказ. Не, говорит, бля, диабетик я, нах... А сам – хрясь стопарь... И, между прочим, переходящее красное знамя, бля, никуда от них не переходило... Ударники соцтруда были, нах...

Он помолчал. Потом добавил:

– А мне, бля, на вторые сутки заступать. И за это мне не знамя, бля, а хуй на рыло...

И сплюнул под ноги.

– А к нам, помню, сам Брежнев в школу приезжал, – начал Юращенко. – Сам, своими руками с нами металлолом грузил. Сидим мы с ним потом во дворе на пеньках, а он фляжку из пиджака достал, открутил крышку, ордена поправил, выпил и мне даёт. Я тогда в первом классе учился... А можно, спрашиваю. Нужно, говорит, дорогой ты мой товарищ Юращенко. И целоваться лезет. Я тогда жутко его бровей испугался... А он из кармана гаечный ключик достаёт и мне протягивает. На металлоломе, мол, нашёл. А сам говорит: «Вот так я и под Курском, дорогой товарищ Юращенко, когда контру раскулачивал, изъятое перераспределил, а поросёночка-другого к себе в хозяйство... А как же без этого-то. Без этого никак... И на малой земле – патроны солдатам роздал, и себе ящичек не забудь... А на целине поднятой вообще – грузовик пшеницей загрузил, и себе мешочек в сторонку...»

– Отставить смех на плацу! – гаркнул прапорщик Сармаш.
– Скажи мне, Юращенко больной? – тихо спросил Артур Дымова.
– Любви не хватило, – так же тихо ответил тот. – Вот теперь и побирается...
Внезапно зашелестели, загудели выстроенные в две шеренги солдаты. Артур огляделся.

От КПП к зданию казармы шла Татьяна Попова. Проходя мимо, она мельком взглянула на строй. Увидев Артура, улыбнулась и тут же опустила лицо.

– Ух, я бы ей жиклёр прочистил! – сказал москвич Лозинский.
– Да, с такой ляхой по главной улице пройтись – бабы друг-друге глаза повыцарапают, – вторил ему кто то из строя.

– Сиповка, бля! По походняку вижу, сиповка, нах! – определил Калёкин.

Артур скрипнул зубами, и желваки заходили на его скулах.

– Смирно! – крикнул Чуприна, подойдя. – Если солдат хочет увидеть что-либо вне угла, так сказать, его зрительной передачи, у него есть два выхода. Один – непосредственно обратиться к начальнику, то есть – представиться: рядовой Хупкин-Золупкин, и дальше товарищ гвардии ё-моё, разрешите обратиться, и так далее. Или же, другая возможность – стрелять глазами. Сейчас будем тренироваться. Показываю: делай раз, делай два...

Снова пошёл снег. Майор Оскома маршировал по плацу, нарезая круги по малому периметру. Временами его бросало из стороны в сторону. Дважды он упал. Пытался ползти, потом поднялся снова...

– Жаль мужика, – прошептал Артур. – Единственный человек из всей этой братии...

– Поэтому и спивается, – сказал Дымов. – Как волк среди псов. Перегрыз бы их всех, а вот не может. Так и погибает от тоски...

– Делай раз... Делай два...

– Жена небось пилит, – предположил Лозинский.

– Он, гаварят, из казино не вилезает, – возразил рядовой Чхиквишвили. – Азарт йиво губит, нэ жэнщина. Жэнщина нэ губит. Эх, женщина...

– Меня раз Попов к себе домой послал, Татьяне Васильевне помочь картошку чистить, – вмешался Юращенко. – Подхожу к дому, стучусь – никто не открывает. Я дверь толкнул, смотрю – открыто. Вошёл. Никого. Слышу – шум воды в ванной. Я сразу туда. Дверь, значит, приоткрыта, из щели пар, значит. Заглядываю... Мать честная! Она стоит под струями воды, как Самсон, и сосцы себе мылом натирает. А они у неё длиннющие – сантиметра четыре...

– Эй, биджо, – раздался голос Чхиквишвили. – Ти толька Самсона нэ трогай, да...

– Отставить смех на плацу...!

– Дурила ты, Юращенко, – зло сказал Артур. – Тебе за свиней год дизеля светит. Если тебя раньше Пуцек не пристрелит... А ты тут Петрушку из себя корчишь...

Снег падал плотными сухими хлопьями. За их стеной шагающий по плацу Оскома казался персонажем из фильма про войну. Этаким пленным немцем в великоватой шинели, шагающим по заснеженным русским равнинам навстречу своей незавидной судьбе.

– Зампотыл, оказывается, человек чувствительный, – сказал Дымов. – Как он сегодня рыдал из-за погибших животных...

– Ну да, – усмехнулся Артур. – Он поросят этих по три убитых енота за кило живого веса загнать намеревался.

– Откуда ты знаешь?

– Он с человеком договаривался, которому я Лёхино мясо загоняю... Загонял.

– Эй, воины, может, заткнётесь, – прикрикнул на них Сармаш. – Нас так до ужина не разведут...

– Тварищи слдаты! – майор Оскома попытался было разогнать снег перед своим лицом, но потерял стабильность и вздохнул. – Я посылаю вас... Я плл... Я вас посылаю... Я... Я...

– Ну, пошли уже нас всех на хер и отпусти с богом, – сказал рядовой Лозинский. В строю засмеялись. Прапорщик Сармаш опустил лицо вниз. Капитан Чуприна недовольно обернулся.

– Товарищщи слдаты! Я посылаю вас... Я... Я, ёма, вас посылаю...

12

– Осторожней, – сказал Дымов, подавая высунувшемуся из кузова Юращенко раздувшийся вещмешок.

– Тяжеленный, – сказал тот. – И чего это у вас вещей так много?

Артур не ответил. Бросил забирающемуся в кабину Сармашу:

– У поворота на «Краковку» остановишь.

Тот кивнул. Повернулся к водителю.

– Вода в последнее время часто закипает, – обронил тот, глядя перед собой.

– Авторемонтный завод, бля, а сами на старье ездим. Сапожники без сапог...

Артур захлопнул дверь и, обежав машину, забрался в кузов. Ударил кулаком по деревянному ребру, и водитель завёл мотор.

– Смотри, как замедает, – сказал Дымов, когда они поехали.

– Метёт, – Артур, сидящий на скамье у заднего борта, подставил руку под падающие с неба хлопья. – Всё не слава богу. Новый Год всухую встречали, а теперь...

Машину занесло при выезде на дорогу, и Юращенко съехал со скамьи на дно кузова. Дымов помог ему подняться. Артур страдальчески поморщился.

– Помнится, мы у Обводного канала стояли, я и Анна, – сказал Дымов, усаживаясь. – Она снег рисовала, а я ей что-то объяснял, что-то, что сам только что понял... Кажется, по медицине что-то... Да это и неважно... Потом вдруг сказал, что люблю её. Совершенно неожиданно как-то... А она не услышала. Всё рисовала свой снег...

– А разве можно снег рисовать? – спросил Юращенко.

– Можно, Андрей, можно, – вздохнул Дымов.

Они проезжали мимо офицерского городка. Серые, унылые домики, скорбное запустенье дворов, склепы уличных удобств, путаница дров на подворье, какие-то цепи, колёса, бруски...

– Теперь хоть снег срам прикроет, – скривил губы Артур.

– Не любим мы чужую землю, – грустно сказал Дымов. – Не лю...

– А мы, – перебил его Юращенко, – помню, в лес придём зимой, костёр под деревом разведём, значит, еду разложим – кто чего принёс, ну, там яички, лук, скумбрию горячего копчения, вина... Печенья... Бубликов... Варенья...

Артур вздохнул.

– ...Мороженого... Сосисок... Печёночного паштета... Молока... Сливочных колбасок... Охотничьих колбасок... Сыра... Творожных сырков...

– Юращенко!

– ...Сою в томатном соусе... Лука... Сосательных конфет... Шоколадных конфет... Су...

– Юращенко!!!

– А... Аааа, ну и сидим, короче, кушаем. А снег на ветвях подтаял и вдруг – бух! Вся эта снежная масса на нас, представляете! А мы хоть бы хны – кушаем дальше. А снег от тепла наших тел подтаивает, и вот уже вокруг нас пещера. И мы сидим в ней, угли раздули, светло, дальше кушаем. Ну, там, рыбу, хлеб, колбасу, сыр...

– Юращенко!!!
– А... Ну вот, значит... Звери, значит, к нам пришли погреться. Грызуны в основном, но также и пернатые, и хищники... И сидят рядышком, как детки совсем... Он задумался на мгновение, потом продолжил:
– ...А воробышки, помню, такие игривые стали у нас. Просто снаружи озябли, пташки малые, а у нас отогрелись. Снаружи, там, всё-таки, выюга с рёвом бешеным...
Артур с Дымовым расхохотались.
– Чего вы? – воззрился на них Юращенко.
Потом вдруг ойкнул и схватился за живот.
– Чего, – спросил Артур, вытирая слёзы, – скумбрия хвостом шевелит?
– Больно, – сказал Юращенко. – Ой!
Он откинулся на скамье, вытянув ноги.
– Начинается, – проворчал Артур, и машина остановилась.
Артур с Дымовым прыгнули вниз, Юращенко остался в машине.
– Когда скажу, подашь большой мешок, – сказал ему Артур.
– Угу, – произнёс Юращенко и застонал.
Артур зло сплюнул на снег.

Минут через десять Сармаш спросил:
– Долго ещё?
Артур пожал плечами.
– Через пять минут выезжаем. У нас смена в шесть.
Дымов угрюмо молчал. Прошло ещё десять минут.
– Закрывай капот, – крикнул Сармаш водителю. Потом подошёл к Дымову.
– Мне очень жаль, Серёж, но надо ехать.
Дымов молча кивнул, оглядел мёртвый перекрёсток и зашагал к машине. Артур двинулся за ним.
В кузове они нашли лежащего на полу Юращенко.

– Давно это началось? – спросил Дымов.
– С месяц уже. Схватит – отпустит, схватит – отпустит...
– Чего же ты в санчасть не пошёл?
– Очень даже пошёл...
– И что там тебе сказали?
– Сказали, чтобы в туалет сходил...
– Сволочи! – произнёс Дымов.
– Сергей, кого ты слушаешь?! – сказал Артур.
– Не надо так... Зачем ты... Привстань-ка, Андрей, я тебе бушлат снять помогу...
– ...Где болит? Здесь? А здесь? Вздутия нет... А ну повернись... Здесь? А когда постукиваю? Мочиться больно было в последнее время? Хочется исключить почечную колику... Давай, повернись на живот... Теперь обратно на спину... Чего такое? Пальцы холодные? Ну, уж извини, дружок, какие есть... Стул давно был...? Ноги согни в коленях... Теперь опусти... Больно?
– В общем, так, Артур, – сказал Дымов, поднимаясь с колен. – Похоже на аппендицит. Приедем, надо будет Сармашу сказать, пусть его назад отвезут. А с нами кто-нибудь со старого караула останется; не думаю, что они на семнадцатом очень устали...
– Ну да, – согласился Артур. – Разве что с похмелья маются...
– А у меня, это, прошло всё, – Юращенко вскочил на ноги и застёгивал штаны.
– Во, точно, я в туалете давно не был...
– Ну, Айболит, говорил я тебе, – злорадно усмехнулся Артур.

Дымов, взглянув на Юращенко, укоризненно покачал головой.

Они ехали мимо поседевших перелесков, мимо пятнистых яблочных рощиц, мимо деревень и пустых полей, и всё белее становилось вокруг, всё чище, всё пустынное...

Снег залетал в кузов плотными прядками, ложась на дерево, не таял, покрывая пол у заднего борта мягким белым ковром.

– Где-то здесь мы во время учебки яблоки собирали, – сказал Артур. – В конце прошлой осени. Я таких никогда прежде не ел. Сердцевина у них твёрдая и прозрачная, на вкус как груша... Говорят, это они после первого мороза такими становятся. Особый зимний сорт...

– А я как-то иду домой, – встрепенулся в углу Юращенко. – Подхожу к подъезду, значит, смотрю – рефрижератор здоровенный перед подъездом стоит. Мак супер лайнер. А рядом отец, значит. Из поездки вернулся. Полюбуйся, говорит, сынок, чего я тебе привёз. Замок отомкнул, двери открывает, а там!.. А там черешня рассыпью до потолка! И на каждой яголке наклейка – «Марокко»...

– Симулянтам слова не давали, – шикнул на него Артур.

– Никакой я не симулянт, – обиделся Юращенко. – Поболело и прошло, бывает же такое...

– У кого бывает, а у тебя только такое и бывает. Особенно когда уголь грузить или в наряд по столовой.

Юращенко насупился, втянув голову в плечи.

– Ехать бы так и ехать, – задумчиво проговорил Артур, глядя в белую муть за бортом.

Дымов удивлённо посмотрел на него.

– Чего? – смущённо улыбнулся Артур.

– Ничего. Странно звучат в твоём голосе романтические нотки.

– Ничего странного. Я, между прочим, романтик. И ещё какой. Все мамыны украшения девчонкам передарил...

Дымов засмеялся. Потом спросил:

– А мама что же?

– Ничего. Она у меня привыкшая. Как отца осудят, так всё ценное из дома и забирают. Барахло дома не задерживалось. Они хоть и не расписаны были, но вещи-то все ворованные...

– И ты так же хотел? – спросил Дымов.

– Хотел, – согласился Артур. – Ты моего отца не видел. Когда он в дом входил, все замолкали и съёживались. Худой, как скелет, а какая силища!..

– Ну и что?! Ради чего?! Таким бы города строить, людей в бой вести, а он?!

– Серёг, давай-ка без морализма, – неожиданно жёстко сказал Артур. – Отца не трогай. Он у меня – больное место...

– И всё-таки не твоё это. Ты другой...

– А какой я?! Ну, ёб твою, какой я?! Вот сейчас едем, болтаем – хорошо. Приедем, водки попьём, поросёнком молочным закусим – хорошо. Этот вот клоун, – Артур ткнул пальцем в сторону Юращенко, – цирк устроит, посмеёмся – хорошо. А что потом? Когда вернёмся? А?! То-то, бля! Как Алиев под Ускова стелиться, что ли?! Да?! Или жопу рвать за лычки?! Говорить, бля, все умеют...

– А ты сердце своё слушай, – голос Дымова был спокоен.

– Да как его слушать, ты, умник! Стетоскопом, что ли!

– Мы мальчишками в морг при университетской клинике бегали. Очень интересовала смерть, знаешь ли, в определённый период нашей жизни. Заглядывали в окна. Убегали с визгом. Рассказывали байки в школе. Про трупы,двигающие конеч-

ностями, и прочую чепуху. Мальчишки даже играли в футбол найденным на университетской помойке черепом. Истлевшим, обтянутым сморщенной кожей. Этим их интерес ограничился. Они ушли и никогда не возвращались. Просто стали старше. Это стало для них, знаешь, как прочерченная на дверном косяке риска, что ли. А я вернулся...

Неподалёку от нового, затянутого кафелем, находился старый морг для безродных. В мрачных и сырых его подвалах, на потемневших досках и полотах стояли гробы с втиснутыми в них кое-как человеческими остатками. Там, в этом странном месте, в этой обители покоя и скорби, я впервые понял, кто я есть. Знаешь, мне пришлось даже страх перед товарищами разыгрывать... В этом возрасте ещё стесняешься своих особенностей... Знаешь, если честно, единственное чувство, которое я испытывал там, внизу, было настойчивое, даже несколько болезненное любопытство. Помнится, я долго не мог уйти, всё ходил между едва различимыми во тьме гробами, вдыхая запах тлена и ещё чего-то, едва уловимого и таинственного... Это состояние было сродни эйфории. У меня кружилась голова и звенело в ушах... Ты когда-нибудь испытывал такое?

– Ты псих, – сказал Артур и отвернулся. И, не поворачиваясь, добавил:

– Мы, между прочим, тебе на мои несправедливые кабинет отгрохали – любой врач бы позавидовал... И Парацельса твоего в изгнании поддерживаем. Так что варешку подбери и не вякай... А если на устное творчество потянуло – вон Юращенко сидит. На нём практикуйся...

Помолчали.

– Когда, кстати, Пшемеку его ордена и регалии вернут? – спросил Артур. – Ты говорил, ему из-за «Солидарности» практиковать запретили, так Валенса теперь большой человек...

– Практики его лишили из-за спиртного. Пил он раньше. Бывало и перед операциями.

– А, ну, значит, правильно, что лишили.

– Он талантливый хирург. Врач божьей милостью. И вот уже десять лет не берёт в рот ни капли...

– Так чего же его не прощают?

– Не знаю. Он не рассказывает, а спрашивать, думаю, бестактно. Полагаю, что-то они там не поделили. Как раз с соратниками из «Солидарности».

– Тоже мне – борцы за независимость! – зло сплюнул Артур. – Бились вместе, а как трофеи считать – каждый свои... Пусть письма пишет. Кается.

– Ты в своей жизни много каялся?

– Конечно. Только про себя.

– Вот-вот. А у меня опыт. Я-то письма писал, дурак наивный. Мог ведь на военной кафедре остаться – нет, напросился в двадцать три года. Полевая медицина, полевая медицина... Книжек начитался, олух! Я им пишу, я студент четвёртого курса, я уже оперировал сам, чёрт побери! А они мне, советский солдат должен уметь всё. Мы, мол, Каракумский канал, да реки Сибири, из навоза каучук... Что же, мы из врача Дымова пожарника не сделаем?! А зачем, зачем из меня пожарника делать, если я врач?!

– Серёг, чего мы с тобой орём так?

– Ветер, чёрт! Мотор! Шумно... Сволочи... Бугунову грибок банальный до трофической язвы долечили!.. Позор!

– Да, это уж точно, – сказал Артур. – У меня, помню, все ноги нарывами покрывались, так меня в санчасти врач осмотрел и говорит медсестре: «Цэ есть инфекция. Корку у каждой язвы сдирать, и сначала перекисью, а потом йодом...» Медсестра – прелесть. «Снимайте, говорит, кальсоны, солдат». Ну, я снял. А там, мать честная! Вся моя невестребованная любовь к телам небесным потянулась... Какой вы, гово-

рит, солдат, невоздержанный! И по шляпе шпателем. А сама хохочет... А минут через пятнадцать я от боли сознание потерял... На следующий день пришёл, кальсоны снимаю, а язва вдвое больше, чем накануне. И от предстоящего ужаса волосы на голове шевелятся... А болван стоит, ему хоть бы что. Только она уже больше не смеётся...

– Стрептодермию конечностей, в частности, нижних, друг мой, в двадцатом веке лечат пенициллином, – сжал кулаки Дымов. – Быстро, легко, безболезненно. Тебе бы даже штаны полностью не пришлось снимать. Так, оголил бы мягкое место...

– Нет, так я не согласен, – засмеялся Артур. – Лучше страдать, но чтоб со спущенными штанами... Эх, сильны в нас, друг мой Дымов, инстинкты первичные...

– Ещё бы. Заперли подростков в период полового созревания без противоположного пола. Жизнь, Артур, это чудовищная сила, и если ей перекрыть естественный путь, она себе проложит новый. Только вот какой? Это зависит от многих факторов... Я слышал, у вас ночью в бытовке Аверченко насилует...

– Доходили слухи.

– И что же?

– Подходил, разговаривал. Нет, говорит, всё в порядке, ничего такого. Я ему, не бойся, дурак. Я помочь могу. Нет, говорит, и хоть ты тресни.

– Может быть, и правда слухи...

– Да нет. В ремроте зверьё лютует, это факт. Анвар, как с Мотыкало вернулся, точно с цепи сорвался. Всё ходил кабанам показывал, как его там девчонки целовали. Натурально. А Аверченко боится, что если фурсы узнают, устроят показательное разбирательство с письмами на родину, а ему ещё туда возвращаться. Вот и терпит. Хотя, как такое можно терпеть?!

– Н-да, – вздохнул Дымов.

– Чего? – не расслышал Артур.

– Н-да, говорю! – прокричал Дымов ему в ухо.

– Ерунда всё! – махнул рукой Артур. – Никто никому писать не будет. Офицерам дедовщина на руку. Ушли домой в обед, пробужали всю ночь, вернулись – казарма сияет, личный состав чистенький, сапоги, бляхи блестят. И наплевать, что кабаны всю ночь вкалывали, в промежутках между дембельскими концертами и «эпитафиями сигарете». Пока такой Бахметьев где-нибудь за трансформаторной будкой не вздёрнется...

– Или такой Рюхин на швабру не сядет, – сказал Дымов.

13

– ...Давай, Рюха! – кричал младший сержант Бобриков. – Рывок назад с перхватом! Держи ровнее швабру, Ёлкин...

Рюхин, вцепившись побелевшими пальцами в крюк кран-балки, боязливо оглянулся через плечо. Выхватил взглядом стальную трубу, зажатую в руке рядового Ёлкина. И сильнее сжал холодный металл крюка.

– Теперь подьём махом, бля! Давай, Рюха, чему тебя только в школе учили! Швабру держи ровнее, мудила... – Бобриков вlepил Ёлкину подзатыльник.

Рюхин, перехватив руку, закачался в воздухе.

– Таак, идём на всплытие! – крикнул Бобриков и вдавил кнопку в жёлтом пульте.

Рюхин плавно взмыл к потолку.

– Ааай, не надо больше! – взвизгнул он оттуда.

– Чего! – возмутился Бобриков. – А как же, бля, нормативы ГТО! Или ты, бля, не готов к труду и обороне! Вот скинут тебя, Рюха, скажем, над территорией вра-

га! Над лесами и болотами штата Масачупес... А твой парашют за дерево зацепился... А враги прямо под тобой на привал, бля, устроились. Костёр разожгли, прикемарили. И снится одному из них сон: дунька его масачупесная по кличке Мэри, акула империализма с глубокой глоткой. И так его, бля, нежно покусывает... И образуется под тобой, рядовой Рюхин, такая вот швабра... Ровнее держи, бля, кабан!.. А ты говоришь, не надо. Надо, Рюха, надо... Я ведь не говно беспринципное, мне из тебя бойца сделать надо, чтобы избежал ты участи Мэри из Масачупеса и не сел своей колодой на вражескую швабру...

– Не могу больше... Руки немеют...

– Брехня! Нет такого слова – «немогу»! Есть слово «нехочу», но его-то мы и должны исключить из нашего, бля, словаря...

– Сари, бля, цирк уехал, а клоуны, бля, остались! – гоготнул подошедший сержант Гунько. – Поддёрни, Бобёр, к верхотуре!

– Молчать, залётный! – огрызнулся Бобриков. – Мой цех – мои законы!

К ним начали подтягиваться другие военнослужащие.

– Сматри, брат-джан, кабан на одной руке висит, – сказал, подходя, рядовой Вачьянц. – Эй, чудо, пакажи, парадуй. Не асрами радзителей, цават танэм...

– Равнея, обрешотка! Равнея!

– Осаночку держи...

– И не филонить, ёма, не филонить!

– Санжировочку! Из виса сзади!

– А ну, заткнулись, бля! Я здесь старший по званию! Махом, подъём в угол обратным хватом... Швабру, бля, держи, Ёлкин...

– Ааааааааааа!

Рядовой Ёлкин ошалело уставился на Рюхина, оказавшегося вдруг прямо перед ним, прямо над его обхватившими швабру пальцами. Несколько секунд он не мог пошевелиться, отказываясь поверить в то, что произошло. Потом отдёрнул руку, и насаженный на швабру Рюхин с глухим, отчётливо слышимым в воцарившейся тишине стоном завалился на бок.

Ёлкин вскрикнул и рванул из цеха.

– Мамочка родная!.. – сказал кто-то и все уставились на Бобрикова...

– Как-же это... – только и смог вымолвить он, а цех огласился вдруг леденящим душу воем.

– Аааай, больно-то как! Оооооой! Аааааааааа...

– Швабру, швабру вытяните, – сказал кто-то.

Попытались вытащить швабру. Визжащий и катающийся по полу солдат напоминал гигантскую ящерицу, хвост которой молотил по бетонному полу, высекая из него щебень и искру.

– Не подступиться, бля! Ногой, ногой наступи, сука!

– Ёптэ, да он мне так ноги переломит!

На крики уже сбегались офицеры. Перед бьющимся в конвульсиях телом солдата они останавливались и стояли как вкопанные, беспомощно озираясь. Кто-то попытался схватиться за швабру, но схлопотал по ногам и отступил.

– Ой, мамочки!!! Оооооой!!! Ммммм!!! Уууууууууу!!! Больно то как! Ой, блядь, как же больно!!!

– Дымова, Дымова позовите! – крикнул кто-то.

– Уже побежали... – ответили в толпе.

Минут через пять появился старший лейтенант Комар.

– Что за... Ёб твою мать!

Он бросился к солдату, схлопотал по ногам, отступил, снова прыгнул, придавил его к полу и ухватился за стальной штырь.

– Ууууу! – взвыл Рюхин и сдавил ягодицы.

– Ну, давай, чёрт! – крикнул замполит. – Да помогите же, кто-нибудь! Ноги, ноги к полу прижмите...

Офицеры, опомнившись, бросились помогать. Солдаты, разинув рты, стояли неподалёку. Комар, покрикивая на суетящихся вокруг людей, принялся было снова тянуть за швабру, когда удар кулака сбросил его с тела солдата.

– Отойдите все, – раздался спокойный сухой голос.

Офицеры поднялись и отошли. Замполит вставал, потирая скулу.

Дымов сделал шаг вперёд, наклонился, не обращая никакого внимания на бьющую его по ногам швабру, и приподнял голову Рюхина.

– Бооооольно... – простонал обессиленный солдат.

– Дыши, дружок, дыши глубже, – тихо сказал Дымов. – Ещё. Ещё. Глубже. Вот так. Так. Ещё. А теперь затаи дыхание...

Он положил пальцы на напряжённую, изрезанную вздувшимися венами шею и надавил. Присутствующие, затаив дыхание, следили за его действиями.

– Тсс, тсс, – шептал Дымов, и измученный Рюхин опал, обмяк в его руках.

Дымов отпустил горло солдата и вытер лоб тыльной стороной ладони.

– Тряпку дайте какую-нибудь, под голову ему подложить. И принесите носилки. И верёвку – швабру зафиксировать.

Подложив тряпье под безжизненную голову солдата, он поднялся, огляделся и вдруг поймал ненавидящий взгляд замполита.

– Простите, – смутившись, сказал Дымов. – Я не хотел.

Комар отвернулся. Тем временем принесли верёвку. Дымов вновь склонился и принялся вязать ручку швабры к недвижимым ногам Рюхина. Пока возился, рядом поставили носилки.

– Помогите перенести его. И осторожно, – попросил Дымов стоящих рядом солдат.

Внезапно воцарилась тишина. Несколько минут её нарушали лишь сопение да шорох трущегося о бетон дерева, потом вдруг чей-то голос произнёс:

– Там в сартире Ёлкин повесился...

14

– Приехали, – крикнул водитель, откидывая борт кузова.

Артур очнулся. Спросонья не сразу сообразил, где он, потом рядом зашевелился Дымов, и всё встало на свои места. Он схватил свой вещмешок и прыгнул в снег. Следом спрыгнул Дымов, и Юращенко подал им остальные мешки.

Густой хвойный лес навис над ними тёмной громадой.

– Снег здесь, видимо, не один день шёл, – сказал Дымов, выбираясь из полуметрового сугроба.

– Да уж, – отозвался Артур, слепил снежок и швырнул им в цепляющегося за борт Юращенко.

– Ай! – вскрикнул тот и упал в сугроб. Поднимаясь, уронил автомат, потом сно-ва упал сам...

– Пошли смену принимать, – сказал подошедший Сармаш. – Пока ещё хоть что-то видно. А ты здесь подожди.

Водитель запахнул бушлат и полез в кабину.

По занесённой снегом дорожке они двинулись в сторону обнесённого колючей проволокой забора, за которым темнел бревенчатый ангар с жестяной крышей.

– Ты бывал здесь? – спросил Артур Сармаша.
– Ты бы ко мне при посторонних по форме обращался, – тихо сказал прапорщик.

Артур кивнул.

– Бывал, – ответил Сармаш.

– Что это, вообще, такое – пост номер семнадцать.

– Вот. Этот ангар.

Они дошли до забора и свернули на идущую вдоль него тропинку, еле различимую под снегом.

– Сейчас в сапоги снегу натащим, потом ходи в сырых портянках всю ночь, – Артур обернулся и окликнул отставшего Юраченко:

– Догоняй, воин. И ноги выше поднимай. Лечить тебя здесь будет некому.

– Как некому? А Дымов?

– Вот наглая тварь! – беззлобно возмутился Артур. И Сармашу:

– А что там, в этом ангаре?

– А ты, что же, примеряешься? – усмехнулся тот.

– Брось... Бросьте, товарищ прапорщик. Куда мне теперь примеряться. Так, любопытство мучает.

– Ну-ну. Любопытство. Что-то заморозили здесь в семьдесят седьмом году, после оперативно-стратегического учения «Запад». Может, котелки, может сухпай просроченный.

– Оружие?

– Не думаю. Навряд ли... Хотя, кто его знает. Объект этот раньше за Страхувским танковым полком числился. Потом, когда Страхув выводить начали, Свинтошувскому гарнизону передали. Теперь, вот, нам... Скоро здесь совсем ничего нашего не останется...

Он взгляделся в часы.

– Без четверти шесть. Эй, воины, а ну поторопись! Юраченко, тебе заступать через четверть часа!

– А почему это мне?!

– Отставить разговоры! Догнать строй, солдат!

– Строй, строй... Где здесь строй?! Чуть что, Юраченко... Вот, так всегда... Юраченко, Юраченко... Что там Юраченко, что здесь Юраченко...

– Юраченко, заткнись, а! – крикнул ему Артур.

– А повежливее нельзя? – спросил Юраченко исполненным трагизма голосом.

– Можно, – сказал идущий с ним рядом Дымов. – Будь любезен, заткнись, пожалуйста.

Юраченко вздохнул.

– Опаздываем, – старший прапорщик Балаба вышел им навстречу из огромной общевоинской палатки.

– Да, – махнул рукой Сармаш, – тут, брат, такая неразбериха... Полбатальона на вторые сутки заступило. Весь вчерашний караул с тяжёлым отравлением в госпитале...

– Нууу!

– Вот тебе и ну.

– И как же это?

– Да кто его знает. Алвртсяна вчера в гарнизон забрали на дознание. Пока не вернулся.

– Да что ты говоришь!

– Да, брат, такие дела.

– Ты-то хоть поспал?

– Да, я-то поспал, бог миловал.

– А воины твои? Сагамонов, ты, что-ль?

– Так точно, Ваше высокоблагородие!

– Остриишь?!

– Так точно, Ваше высокоблагородие!

– А это кто? Никак Юращенко! Мать честная, ну и народец тебе достался! Ты, Вась, с ними построже...

– Ладно, – оборвал его Сармаш. – Пошли в палатку, вещи положим – и на посты. Твоего менять надо.

– Не суетись, – ухмыльнулся Балаба. – У меня там Бажолбаев на снег не нарадуется, видел его, говорит, три раза в жизни.

– Счастливчик, – сказал Сармаш. – И всё же.

Они откинули полог и вошли в палатку. В помещении с выцветшими брезентовыми стенами горела единственная лампочка-стоваттка. Под ней, на выдавшем виды спальном мешке, лежал одетый в форму и бушлат рядовой Аверченко и читал книгу. Сержант Гурзум-оглы сидел за деревянным столом и грел руки о стоящую рядом буржуйку с уходящим в брезентовую крышу дымоходом.

– Аверченко, ёкарный бабай! Ну не ложись ты в проходе, сколько раз говорить!

Читающий солдат хрустнул печеньем.

– Аверченко, оглох?!

– Товарищ прапорщик, дайте страничку дочитать, потом хоть заоритесь...

– Встать, мле, солдат!

Аверченко нехотя поднялся.

– И приведи себя в порядок! Нет, Вась, всё же расслабляюще действуют на личный состав такие каникулы...

– Ладно, пошли на посты, – сказал Сармаш. – Сагамонов, Дымов – располагайтесь. Юращенко – со мной.

– И вон тот спальник у стеночки подсушите, – хохотнул, выходя, прапорщик Балаба. – У Бажолбаева, кажись, брачный период.

– Ну, как служба, братья по оружию, – спросил Артур, когда начальство вышло.

– Служба как дружба, – отозвался рядовой Аверченко. – Кому впрок, кому в бок.

– Да какая здесь служба, – Гурзум-оглы надкусил сахар. – Так, ходим-бродим. Был бы прапор путём – побухали бы. А с Балабоном каши не сварить. Сам ведь мучается, огызни сейдым, по хлебалу вижу. Я заикнулся было, в смысле в деревню за вином – куда там! У меня, вон, в мешуге три четверти «Выборовой», так назад и везу. Позорище...!

– Ну так открывай, – перебил его Аверченко. – Чего мучиться. Ты как певец больших и драматических... Божба божбой, а как откупорить – Страхув – Свинтошув.

– Пусталыга ты, Аверченко, – Гурзум-оглы разгрыз ещё кусочек сахара. – Я хоть в Баку и в русской школе учился, а твою текстуру без словаря не хаваю...

– Хавай, не хавай, – проворчал Аверченко, не отрываясь от книги. – Где бутылка-то? Воот, трепостат ты и есть, хоть и с Баку... А может, не с Баку? А то жидишься, как с Житомира...

– Вы прямо как пожилые супруги, – сказал Артур. – Серёг, достань бутылку. Там, в моём рюкзаке.

– Во, – вскочил Аверченко, – другой базар! В каком рюкзаке?

Он схватил первый попавшийся. Принялся развязывать тесёмки.

– А ну, положи, – тихо сказал Артур, и зрачки его сузились в щёлочки.

– Ты чего, Артура, не доверяешь? – Аверченко развязал узел и просунул руку внутрь.

Артур спустил с плеча автомат. Рывком передёрнул затвор. Аверченко застыл на месте.

– Руку высунь. Так. Теперь тесёмочки завяжи. Серёг, возьми у него мешок. А теперь достань из вон того мешка бутылку. Я сказал – Серёга!

– Ты чего – псих?! – спросил Аверченко, садясь на пол.

– Я-то? А, ну да. Псих. Ещё какой, – Артур вытащил магазин и передёрнул затвор.

Патрон выскользнул из щели казённого и покатился по брезентовому полу палатки.

– Серёг, поторопись с водкой, – сказал Артур. – Сейчас начальство вернётся.

– Ну-ка, ну-ка, – Гурзум-оглы поднялся из-за стола, подошёл к Артуру и, нагнувшись, поднял патрон. Спросил:

– Ты чего это, Сагамонов, баптист?

– Спрячь-ка водку, Серёж, – сказал Артур, беря патрон из рук сержанта.

– Эй, эй, чего ты! – возмутился было Аверченко. – Тоже, что ли, из Житомира?

– Заткнись, – отрезал Артур. И Дымову:

– Пошли выйдем.

У входа в палатку он принялся вытаскивать из магазина патроны.

– Что случилось? – спросил откинувший полог Дымов.

– Полог опусти! – донеслось из палатки. – Не Анапа, бля!

Дымов прикрыл вход в палатку.

– У меня патроны холостые, – сказал Артур.

– Да что ты говоришь?!

– Представь себе...

Артур ссыпал патроны в карман и достал из подсумка ещё один магазин. Выдавил патрон. Протянул Дымову.

– Дела, – сказал тот, подкинув его на ладони.

Артур выдавил ещё один. Поднёс ко рту. Надавил на кончик зубами. Потом швырнул его в снег, сел на корточки и обхватил голову руками.

Дымов поднял патрон, вынул из руки Артура магазин и вставил его обратно. Спросил:

– Как это могло произойти?

– Попов, – сказал Артур, поднимаясь.

Невдалеке слышались голоса.

– Пошли внутрь, – Артур взял у Дымова магазин и примкнул к автомату. – Потом разберёмся...

– Ну, Вась, счастливо оставаться, – сказал прапорщик Балаба, покидая палатку. – Пост сдал.

– Пост принял, – ответил Сармаш, склонившись над протоколом передачи. – Сагамонов, проверь-ка здесь точку.

Артур взял со стола трубку и обвёл взглядом стены в поисках гнезда.

– Тама, – сказал продрогший Бажолбаев, указывая трясущимся пальцем в точку над столом.

Артур всунул штекер в гнездо. Поднёс трубку к уху. Сказал:

– Есть контакт.

И Сармаш подписал протокол. Балаба взял его и покинул палатку. Вслед за ним вышел Аверченко.

– Пошли, туземец, – сказал Гурзум-оглы Бажолбаеву, взяв в руку прислонённый к столу автомат.

Бажолбаев поднялся, еле разогнув ноги. Обвёл палатку диким взглядом и, вздохнув тяжело, поплёлся к выходу. Гурзум-оглы двинулся за ним.

– Магомет, – окликнул его Артур.

Тот обернулся, уже откидывая полог.

Артур ткнул пальцем в магазин, потом поднёс его к губам. Гурзум-оглы кивнул и вышел.

– Пошли перекурим, – сказал Сармаш. – Заодно и осмотримся.

Они взяли оружие и вышли наружу, прямо в густые морозные сумерки.

– Снег перестал, – сказал Дымов.

– Да уж пора бы, – отозвался Сармаш. – Посты по пояс завалены...

Артур достал сигареты. Закурил. Протянул пачку прапорщику.

– Пойдём, я вам удобства продемонстрирую, – сказал тот, закуривая.

По еле различимой тропинке они вошли в лес, необычайно светлый, несмотря на непрерывно сгущающиеся вокруг сумерки. Было тихо, только хрустел снег под ногами да лежалая ветка трещала под чьей-нибудь неосторожной лапой. Нарушать такую благодать не хотелось, и они шли молча. Шагов через сотню лес оборвался, заснеженная земля круто ушла вниз, и там, внизу, у противоположного края расстилающейся у их ног долины замигали, заискрились крошечные огоньки.

– Деревня, – сказал Сармаш и стукнул кулаком в стену крошечного фанерного сооружения, примостившегося на краю обрыва.

– Это, что ли, удобства? – спросил Артур.

Дымов приоткрыл скрипучую деревянную дверь.

– Они самые, – ответил Сармаш.

– А поближе не могли поставить? – поморщился Артур.

– Пытались. Летом такая вонь стояла – и караула не надо: ни враг, ни друг не подойдёт. Солдатский рацион, сам знаешь.

– Да уж, – вздохнул Дымов, закрывая дверь.

– Вон, видите, – Сармаш вытянул руку. – Там, перед домами, белая полоска.

– Вроде вижу, – приглядевшись, сказал Артур. – И чего?

– Транспарант. Со Дня Революции висит. Дать бы по нему короткой очередью...

– Что на нём? Написано что-то?

– Написано.

– Вась, не томи душу! Чего написано-то?

– Чего написано? «Счастливого пути» написано.

– Ааа... А я думал – оскорбление...

– А разве это не оскорбление?! – зло спросил Сармаш.

– Да уж, – согласился Артур. – Враги.

– Ну, почему же враги? – подал голос Дымов.

– Эти-то? Точно враги. Мне Калёка рассказывал, он к ним за вином мотался, в одну хату стучал, в другую – не открывают. Он давай в стекло, вышли два хлопца с обрезам и собаку на него спустили. Ели ноги унёс.

– Может, из-за автомата?

– Он «калаш» в караулке оставил. Божится, иначе бы пса пристрелил, а потом, может, и хозяев. Хотя я лично не верю. Калёкин – трус.

– Странно, – сказал Дымов. – Любить нас, конечно, не любят, но чтоб так, с собаками...

– Тут танковый полк стоит, не забывай. Тут их землю железом терзали. Представь, твоя бы жена во двор вышла бельё развешивать, а мимо танки едут, грохот, как на войне, да ещё и рядовой Хамраев ей с башни жопу голую показывает. Как бы тебе такое понравилось?! Лично я бы хлебнул «выборовой» и из обреза бы прямо в эту жопу...

– Ладно, – махнул рукой Сармаш. – Оправляйтесь, и пошли.

– Нет уж, – сказал Артур. – Лучше я в лесок сбегаю...

В палатке они разобрали вещи и поправили спальные мешки.

– Давно мы здесь караулы мочим? – Артур прислонил автомат к стенке и достал бутылку водки из мешка.

– С августа, – ответил Сармаш.

Он нагнулся и вытащил из своего вещмешка консервную банку.

– Убери, – сказал Артур, и на столе появился завернутый в фольгу поросёнок.

– Это по нему сегодня зампотыл панихиду служил? – усмехнулся Сармаш, убирая сухой паёк.

– По нему, – кивнул Артур. – А также по отцу его и братьям.

Он присел на стул и развернул фольгу.

– Красота! – восхитился Сармаш.

Он воткнул штекер в гнездо и прислонил к уху телефонную трубку.

– Пост номер семнадцать, начальник караула прапорщик Сармаш. Докладываю: объект принял по списку. Печати и замки без повреждений. На посту находится рядовой Юращенко. Отдыхающая и бодрствующая смены со мной в караульном помещении...

Сармаш положил трубку на стол и отсоединил провод. Сказал:

– Оскома пьян в стельку. Жаль мужика. Был когда-то хорошим офицером...

Артур отстегнул от ремня штык-нож.

– С ума сошёл – такой тупенью, – Сармаш положил на стол свой, перочинный.

– Интересно, – сказал подошедший к столу Дымов. – Ещё ничего не решено, а мы первые полки выводим. Не подвинет ли это процесс в неблагоприятную для нас сторону?

– А что, – рот Сармаша скривился в ухмылке, – у нас есть благоприятная сторона?

Дымов задумался.

– Польша такой территорией, как сейчас, никогда раньше не обладала, – сказал Сармаш. – Несмотря на вой Валенсы о советской оккупации... Это наш единственный козырь. Хотя, если разобраться, какой уж там козырь. К нам ни линия Керзона, ни Восточная Пруссия, ни Гданьск никакого отношения не имеют. Не вспоминать же нам про Галицкую Русь... С другой стороны, если мы шум поднимем, глядишь, и бывшие хозяева встрепенутся. У «бундесов» голос на международной арене всё громче становится. О «Третьем рейхе» им, кроме жидов, никто и не вспоминает...

– Давай по маленькой, – сказал Артур, разливая водку в стаканы. – Чего нам о грустном...

– Ну, почему же о грустном? – усмехнулся Сармаш. – У нас хоть время есть котомки собрать. В отличие от других групп войск. Я тут такие письма из Чехословакии и Венгрии читал – впору удавиться.

– Да я тоже читал, – сказал Артур, поднимая стакан. – Имел удовольствие. Ну, за хороших людей...

Они чокнулись.

– Взглянуть бы на таких, – проворчал Сармаш и выпил.

– Ну-ну! – сказал Артур, потирая руки. – Не время терять веру в человечество. И разлил по второй.

– Вам легко говорить, вы через полгода – тю-тю, – Сармаш хмуро посмотрел на Артура с Дымовым. – А мне здесь хрень расхлёбывать. И жене каждый день в глаза смотреть... Жене офицера, бля...

– За наших любимых! – провозгласил Артур и поднял стакан.

– За обманутых нами любимых, – сказал Сармаш и выпил.

– Вась, – сказал слегка захмелевший Артур. – Кончай хандрить. Мне через полчаса заступать. У меня от слёз автомат заржавеет... А твоя, Серёг, любимая небось медсестра?

– Ну, почему же. Нет. Она на филологическом учится.

– Ой-ой-ой! На филологическом! Ну прям интеллектuala на интеллектуале...

– При чём тут это? Она человек хороший...

– Нууу! Это серьёзно. А я-то думал, тебе её анатомия, как хирургу, приглянулась.

Гипоталамус, там, дуги надбровные. Первичные признаки млекопитающего... Артур налил в стаканы.

– Да нет, друг мой, – сказал Дымов. – Душа мне её приглянулась, душа... А ты бы не пил больше. Тебе алкоголь не полезен, как я вижу...

– Ой-ой-ой! Мне доктор пить запрещает! Скажите, пожалуйста...

– Отставить словоблудие! – гаркнул Сармаш. – Рядовой Сагамонов, поставь стакан, встань и оправься... Через двадцать минут заступать... Счастливики! Полгода – и домой!

Артур поставил стакан на стол. Посмотрел на Сармаша и сказал:

– Какие полгода, Вась, мне Попов холостые патроны подсунул, а я за боекомплект расписался. Мне теперь с моими заслугами перед родиной даже «дизелем» не отделаться...

– Что же ты раньше молчал?! – Сармаш стукнул кулаком по столу. – Когда старый караул мог подтвердить твои слова?!

– Я не знаю, – тихо сказал Артур. – Я растерялся...

– Кто выдавал тебе боекомплект?

– Попов.

– Вы получали оружие вместе с батальоном?

– Нет. Только я и Дымов.

– А Юращенко?

– Юращенко? Юращенко позже.

– Сергей, – Сармаш повернулся к Дымову. – Отстегни магазин.

Дымов протянул руку к стоящему у стены автомату.

– Забавная история получается, – сказал Сармаш, вороша рассыпанные по столу патроны с пластиковыми пульками.

Он вытащил из кобуры пистолет и вынул из него обойму. Выщелкнул на стол аккуратненький пистолетный патрон. Сказал:

– Хоть кто-то из нас боеспособен.

Артур слабо улыбнулся. Дымов молча стоял у стола.

– Чего улыбаешься, – сказал Сармаш Артуру. – Мне боекомплект тоже Попов выдавал. Интересно, у Юращенко в магазине что за плесень... А что у тебя с Поповым, Артур?

– Так, личное... А с кем у меня ничего?! Слушай, Вась, а может, я ошибаюсь? Может быть, это случайность? Ну ладно – мне. А Дымову зачем холостые выдавать?

– Да нет, – Сармаш взял в руку один из патронов и постучал пластмассовой пулей по столу. – Тут-то как раз всё сходится. Дымов бы с тобой магазинами поменялся, и дело с концом. Ну, схлопотал бы, там, недельку губы за халатность... У Юращенко тоже холостые, голову даю на отсечение.

– Но ведь если это так – это чудовищно! – произнёс Дымов. – Это подло, в конце концов...

Артур с Сармашом посмотрели на него.

– Хорошо, что ты у меня есть, – неожиданно сказал Артур и, сделав шаг, обнял смутившегося друга.

Потом сказал Сармашу:

– Ладно, звони в часть, докладывай. Не дело это – по постам с холостыми шляться.

Сармаш посмотрел на него, сжав в ниточку губы. Взял лежащий на столе магазин Дымова и принялся вставлять в него рассыпанные вокруг патроны. Сказал:

– Проверять надо было амуницию при получении, бя. Тебе теперь возврат по двум прокурорским сделают...

– Да, ладно тебе, Вась, – улыбнулся Артур. – Чего теперь-то...

Сармаш поднялся. Взял было трубку со стола, но, подумав, положил обратно.

– Пошли-ка сначала Юращенко сменим. А то он и с боевыми на посту – нелепость. А в часть я, когда вернусь, сообщу.

Он поправил шапку и пошёл к выходу.

Артур посмотрел Дымову в лицо.

– Если бы не ты... – сказал Дымов. – Если бы не ты...

И в глазах его блеснули слёзы.

– Да ладно тебе, – Артур положил ему руку на плечо. – Не хорони меня раньше времени. Глядишь, откусаемся...

Он подхватил прислонённый к стулу автомат, повесил на плечо и сделал несколько шагов в сторону колеблющегося брезентового полога. У самого выхода обернулся и смешно наморщил нос...

ДОНЕСЕНИЕ

Начальнику генерального штаба
Северной группы войск генерал-лейтенанту
Юмашеву Н. В.

Товарищ генерал-лейтенант!

23 января 1991 года подвергся нападению внешний пост номер семнадцать, ранее относящийся к Страхувскому танковому полку, ныне же, в связи с началом широкомасштабной операции по выводу войск, приписанный до завершения таковой к авторемонтному заводу в г. Ворцлев.

Во время нападения погибли четверо военнослужащих, несущих на вышеназванном объекте караульную службу: прапорщик Сармаш, сержант Дымов, рядовые Сагамонов и Юращенко.

Излагаю обстоятельства произошедшего. 23 января 1991 года вышеназванные лица выдвинулись из расположения завода к посту номер семнадцать для смены старого караула и дальнейшего несения караульной службы. Приём-сдача поста прошла нормально, в соответствии с установленным уставом караульной службы порядком, о чём имеется свидетельство начальника старого караула старшего прапорщика Балабы и запись в караульной книге, а также показания дежурного по авторемонтному заводу майора Оскомы, принявшего соответствующее сообщение от прапорщика Сармаша по телефонной связи в девятнадцать пятьдесят пять.

Так как по истечении последующих двух часов прапорщик Сармаш на связь не вышел, майор Оскома поднял по тревоге отделение кадрового ремонтно-восстановительного батальона, которое тотчас отбыло по направлению семнадцатого поста.

Трупы прапорщика Сармаша и рядовых Сагамонова и Юращенко были найдены непосредственно на посту, неподалёку от охраняемого объекта. Прапорщик Сармаш убит

выстрелом в голову, рядовой Сагамонов скончался от многочисленных огнестрельных ранений в области живота и потери крови. Смерть рядового Юращенко, также получившего несколько огнестрельных ран, наступила в следствие разлитого гнояного перитонита. На этот счёт имеется свидетельство патологоанатома военного госпиталя гарнизона Свентошув капитана Терентьева.

Так же, в ходе обследования места происшествия следователями военной прокуратуры старшим лейтенантом Ебугиным и капитаном Срятем было установлено следующее. Сержант Дымов, по всей вероятности, подвергшийся нападению в караульном помещении и получивший тяжёлое огнестрельное ранение грудной клетки и многочисленные ранения нижних конечностей, дополз до объекта, где пытался оказать первую помощь рядовым Юращенко и Сагамонову, но к моменту прибытия отделения батальона охраны сам скончался от потери крови.

Табельное оружие, в частности, пистолет ТТ прапорщика Сармаша, а также автоматы АК-74 в количестве трёх единиц пропали, возможно, были похищены нападавшими. Замки у входа в объект сломаны, печати и пломбы отсутствуют. Странным обстоятельством является то, что на объекте не было найдено ни одной гильзы или пули, выпущенной из вышеупомянутых единиц огнестрельного оружия. Это обстоятельство позволяет предположить, что сопротивления военнослужащие, несущие караульную службу на внешнем посту номер семнадцать, нападавшим не оказали.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рядовой Сагамонов Артур Александрович, тысяча девятьсот семьдесят первого года рождения, имел многочисленные дисциплинарные взыскания и за грубые нарушения устава неоднократно содержался на гауптвахте, а также имел два прокурорских предупреждения: за нанесение увечий и соучастие в хищении социалистической собственности. Лишь по недосмотру и из-за недостаточной бдительности офицерского состава войсковой части рядовой Сагамонов избежал справедливого наказания, как то лишение свободы или перевод в дисциплинарный батальон.

Следствием также установлено, что рядовой Сагамонов параллельно со службой на заводе занимался деятельностью криминального характера, как то продажа по нелегальным каналам предметов солдатского довольствия, изготовлением и сбытом на чёрном рынке холодного оружия откровенно бандитского толка, сбытом украденных на заводе запасных частей автомобилей. Кроме того, он покровительствовал сержанту Дымову, человеку, как выяснилось, тяжело психически больному, возомнившему себя врачом и проводившему на территории части чудовищные медицинские эксперименты на своих сослуживцах.

Вышеупомянутое даёт возможность предположить, что рядовой Сагамонов вошёл в преступный сговор с неизвестными лицами и самолично организовал нападение на пост номер семнадцать с целью поживиться хранящимся на объекте имуществом.

Рядовой Сагамонов не учёл одного: ангар, находящийся на территории объекта, использовался во время командных учений «Запад77» как резервное помещение Страхувского танкового полка для хранения обмундирования союзнических армий и с 1978 года пустует. Следствию представляется очевидным, что сообщники, привлечённые рядовым Сагамоновым для нападения на пост и разочарованные отсутствием добычи, казнили его и его друга Дымова в порыве злобы.

Роль в происшествии начальника караула прапорщика Сармаша и караульного рядового Юращенко выясняется.

Заканчивая, хотел бы подчеркнуть, что значительная доля ответственности за произошедшее ложится на командный состав войсковой части ПЯ 3450, допустившее своим

попустительством и халатным отношением проращение, так сказать, гнилых семян на войсковой почве.

*Следователь по особо важным делам при военной прокуратуре
Северной группы войск, майор Звягинцев.*

- Серёж...
- Тссс... Не говори. Тебе нельзя. Ноги согни. Вот так.
- Серёж... Мне надо... Это важно... Ххххх...
- Да помолчи ты, глупый...
- Серёж, помнишь... Помнишь, ты рассказывал... Ну, морг, там, и всё такое... Мммм!.. Ну, что счастье было, в ушах шумело... Я тебя тогда ещё психом назвал... Уууууё...!
- Помню. Помню, Артур. Ты не разговаривай. Нельзя тебе сейчас.
- Я ведь тоже знаю... Знаю... У меня на шкафу банка с лялиусами стояла... Ххххх!.. Рыбки такие... Красивые... Самец гнездо из пузырьков воздуха построил, самку... Самку туда заманил, обнял, обжал своим телом... Бляяаа...! Не могуууу большееее!
- Артур, замолчи! Ты силы теряешь...
- Представляешь, обнял... А ещё говорят – рыба любовь... Ммммаааа...! А я лежал на шкафу, и у меня в ушах шумело... И счастье, Серёг! Если бы ты только знал, какое это было счастье!..

Stuttgart, 3.08.2007